



ТАК
ГОВОРИЛ
БИСМАРК!
МЕМУАРЫ



Так говорил Бисмарк!

«Издательство АСТ»

2014

Так говорил Бисмарк! / «Издательство АСТ», 2014

Результаты Франко-прусской войны 1870–1871 года стали триумфальными для Германии и дипломатической победой Отто фон Бисмарка. Но как удалось ему добиться этого? Мориц Буш – автор этих дневников – безотлучно находился при Бисмарке семь месяцев войны в качестве личного секретаря и врача и ежедневно, методично, скрупулезно фиксировал на бумаге все увиденное и услышанное, подробно описывал сражения – и частные разговоры, высказывания самого Бисмарка и его коллег, друзей и врагов. В дневниках, бесценных благодаря множеству биографических подробностей и мелких политических и бытовых реалий, Бисмарк оживает перед читателем не только как государственный деятель и политик, но и как яркая, интересная личность.

, 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	7
Предисловие от издателя	7
Предисловие автора	9
Граф Бисмарк и его люди	12
Глава I	12
Глава II	17
Глава III	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Так говорил Бисмарк!

Автор-составитель Мориц Д. Буш

GRAF BISMARCK UND SEINE LEUTE WÄHREND DES KRIEGES
MIT FRANKREICH NACH TAGEBUCHSBLÄTTERN

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Вместо предисловия

Собирая материал для книги «Бисмарк. Любовный роман», я обнаружил в Российской государственной библиотеке русское издание двухтомника Морица Буша «Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией». Во время этой войны Буш был неотлучно при «железном канцлере» в качестве его пресс-секретаря и врача, и два тома его мемуаров были изданы М. Головиным в Санкт-Петербурге в 1879 году, то есть еще при жизни Бисмарка и сразу после их немецкого издания. Но оба тома оказались столь раритетны, что Ленинка не позволяет не только их ксерокопировать, но даже фотографировать!

Однако в США правила не столь строгие. Любая провинциальная библиотека может выписать из Вашингтона, из Библиотеки конгресса, практически любую книгу, чем я и воспользовался. Скопировав оба тома, я прочел их буквально залпом и несколько страниц процитировал в своем романе о любви Отто фон Бисмарка и юной русской княгини Екатерины Орловой-Трубецкой. Но эти цитаты лишь сотая часть того интереснейшего исторического материала, который ежедневно и скрупулезно фиксировал в своих дневниках Мориц Буш. Я уверен, что для всех, кто интересуется Бисмарком и немецкой историей, для студентов исторических факультетов и читателей университетских библиотек эта книга представляет огромный интерес – в ней такое количество живых деталей того времени, такие подробные описания военных сражений и высказываний Бисмарка, его коллег, друзей и врагов!

Пользуясь своей многолетней дружбой с издательством «АСТ», я уговорил его генерального директора Юрия Дейкало переиздать эту книгу и надеюсь, что сотни или даже тысячи историков и просто любопытных читателей будут ему за это благодарны.

Эдуард Тополь

Часть первая

Предисловие от издателя

Крупная политическая роль, выпавшая на долю князя Бисмарка в последние двадцать лет, достаточно объясняет наше намерение издать в русском переводе интересное сочинение его секретаря, посвященное частной жизни и политической деятельности знаменитого германского канцлера за время памятной всем войны Германии с Францией.

Но русский издатель не может предложить такое сочинение публике без всяких оговорок.

Как ни интересно сочинение г. Буша, как ни богато оно характерными подробностями, живо обрисовывающими оригинальную фигуру творца объединенной Германии, оно писано немцем и притом *колениопреклоненным немцем*, для немецкой публики, также поклоняющейся в лице кн. Бисмарка давно уже невиданному международному и военному значению Германии. И автор, и его публика уже много лет не вспоминают древней и мудрой пословицы «Не сотвори себе кумира».

Русский издатель и русская публика должны отнестись совсем иначе и к предлагаемому сочинению, и к его герою. Им вполне доступно, для них вполне обязательно более спокойное и независимое отношение к сильному политическому деятелю, выказавшему наряду с большим практическим талантом первоклассного дипломата слабую восприимчивость к общим задачам современности.

Биографические подробности, частные разговоры, политические и житейские мелочи, относящиеся к крупному и оригинальному таланту, всегда представляют значительный интерес. Такой интерес несомненно имеет и сочинение г. Буша. Но к той окраске, которую он придает сообщаемым фактам, русский читатель непременно отнесется критически.

Мыслящий русский читатель прежде всего разойдется со взглядами немецкой публики на общественную деятельность кн. Бисмарка в одном весьма существенном пункте. Кн. Бисмарк гораздо больше политик и дипломат, чем государственный человек в широком смысле слова, отвечающий требованиям настоящего и ближайшего будущего, сильный в делах внутренних и внешних. Чисто практический талант его, резко выделившийся на туманном фоне прежнего немецкого идеализма и доставивший Германии ряд чрезвычайных международных успехов, ослепил его соотечественников, до тех пор имевших большое литературное и научное, но отнюдь не политическое международное значение. Упоенная силой и славой своих внешних дел, обязанная ими гениальному таланту своего министра, Германия вверила ему и высшее управление своими внутренними делами. Все его прошлое, все его политические действия довоенного периода были забыты после счастливых войн с Австрией и Францией. Теперь события показали, что, несмотря на большой практический ум и редкий талант, кн. Бисмарк сохранил в своих воззрениях и приемах крупные следы того общественного слоя, в котором он вырос и созрел. Читатель найдет многочисленные тому доказательства в беседах и подробностях, рассказываемых г. Бушем, и, конечно, не будет восторгаться ими так, как делает немецкий автор. Он скорее пожалеет, что некогда мечтательная и склонная к умозрению Германия не дала своему первоклассному политическому таланту ни одной подобной черты. Таков уже дух времени, и в этом отношении кн. Бисмарк в том виде, как описывает его автор, является весьма знаменательным выразителем данной эпохи. Этот замечательный талант не случайно оказался на политическом горизонте Германии в такое время, когда идеалы прошлого, даже и недавнего прошлого разбиты критикой, когда заглохла немецкая философия, уступив место исключительно практической постановке вопросов, господству успеха и силы над правом и идеей. Такие переходные эпохи не новы в истории; они естественно пред-

шествуют трудному рождению новых общественных идеалов, нового строя жизни. В эти эпохи люди будущего только показываются на поверхности общества и, если показываются, то отнюдь не для искусственного оживления умирающих идей и отношений. Кн. Бисмарк не принадлежит к этим людям. Перелистывая замечательное сочинение г. Буша, читатель не раз будет иметь случай убедиться, что даровитый объединитель Германии исключительно человек прошедшего и нашей практической современности.

Предисловие автора

Точно воспоминание о каком-то сне посещает иногда меня, когда я представляю себе, при каких обстоятельствах восемь лет назад я совершил мое первое и последнее путешествие во Францию и что мне пришлось при этом пережить и увидеть. С другой стороны, ни одно путешествие не врезалось в мою память так отчетливо и живо, со всеми своими отдельными эпизодами. И то и другое будет понятно, если я скажу, что оно было совершено мною от Саар-брюкена через Седан в Версаль и что я имел честь находиться в течение 7 месяцев, во все время, пока оно продолжалось, в собственной свите имперского или, как он еще тогда назывался, союзного канцлера. Другими словами: путешествие находилось в связи с кампанией 1870–1871 гг., и я был прикомандирован при этом к походной канцелярии иностранных дел, которая была, в свою очередь, причислена к первому отделению главной квартиры.

Что я имел при этом много случаев не только присутствовать при некоторых решительных военных действиях, соблюдая весьма выгодную позицию, но и непосредственно слышать и видеть другие замечательные события – на то была воля судьбы; такое счастье человеку, обладающему скромным общественным положением и восемь месяцев перед тем даже не мечтавшему о возможности находиться в личном соприкосновении с канцлером, могло, естественно, показаться и тогда, и впоследствии какою-то грезой. Лично, собственными глазами приходилось наблюдать развитие всемирно-исторического процесса, которому едва ли был когда-либо подобный. События быстро сменяли друг друга, и среди их разгара чувствовалось, как высоко поднимается дух нашего народа, слышался его громовой голос, носившийся над полями битв, страх охватывал вас, когда приближалась роковая развязка, и трепет радости пробегал по вашим членам при получении известия о победе. Не менее дороги и полны значения были тихие, серьезные рабочие часы, во время которых можно было наблюдать ту мастерскую, где находилась точка отправления главной части вышеупомянутого процесса, где взвешивались, рассчитывались и оценивались результаты борьбы и где, наконец, в Феррьере и Версале ежедневно бывали разные знаменитости, коронованные особы, принцы, министры, генералы, посредники всевозможного рода, вожаки партий рейхстага и другие интересные личности. Во время вечернего отдохновения от труда особенно освежительно действовала мысль, что ты, хотя и в качестве маленького колесика, принадлежишь все-таки к той машине, которая дает мастеру возможность влиять на мир своею мыслью и волею и перестраивать его сообразно своим планам. Но самое лучшее было и осталось навсегда – это сознание, что я был близок к нему.

Я полагаю, что имею причины считать воспоминание обо всем этом лучшим сокровищем моей жизни; и я думаю, что следует, чтобы и другие приняли некоторое участие в пользовании им. Само собою разумеется, что о большей части того, что я мог бы сообщить, я должен пока умолчать. Из того же, о чем я рассказываю, многое может показаться слишком ничтожным и поверхностным. Но такое мнение, по-моему, будет ошибочным. Нередко мелочи позволяют обстоятельнее судить о характере людей или настроении, в котором они находятся, чем многообещающие великие дела. Иногда сами по себе совершенно незначительные вещи и обстоятельства служат для ума импульсом к внезапному просветлению и комбинации идей плодотворных и имеющих важные последствия для будущего. Я вспоминаю при этом о часто случайном и незаметном источнике тех или других великих открытий и изобретений, о ярко блестящей оловянной кружке, которая перенесла Якова Беме в метафизический мир, и об известном сальном пятне на нашей феррьерской скатерти, которое послужило канцлеру исходной точкой для очень замечательной и необыкновенно практической застольной речи. Утро действует иначе на нервную натуру, нежели вечер. Погода своею переменчивостью влияет и на предметы, и на людей. Известно также, что существуют теории, составленные учеными,

которые могут быть сведены к одному положению: человек есть что он ест; и как ни смешно звучит это, мы не знаем еще, в какой степени несправедливы подобные воззрения. Наконец мне кажется, во-первых, что все, что относится к достославной войне, давшей нам в результате Германскую империю и твердую восточную границу, имеет вообще интерес, а во-вторых, что даже самая, по-видимому, мелкая подробность имеет свою цену, раз она находится в связи с тем участием, которое принимал граф Бисмарк в событиях, происходивших в течение этой войны.

Поэтому все должно быть сохранено. В великое время малое кажется еще меньшим; в последующие десятилетия и столетия – наоборот: великое становится еще более великим, ничтожное – полным значения. Часто сожалеют по прошествии некоторого времени, что нельзя воспроизвести, несмотря на все желание, в живой и яркой картине те или другие события и лица, потому что недостает того материала, ставшего теперь ценным, на который прежде смотрели, как на нечто несущественное, потому что не нашлось тогда, когда было время, ни одного глаза, который все бы видел, и ни одной руки, которая все бы описала и сохранила для потомства. Кто не хотел бы знать подробностей о Лютере в великие дни и часы его жизни, хотя бы даже самых ничтожных? Сто лет спустя князь Бисмарк займет в умах нашего народа место рядом с виттенбергским доктором: освободитель нашей политической жизни от иностранного гнета станет рядом с освободителем совести от давления Рима, творец Германской империи – рядом с творцом германского христианства. Многие уже отвели нашему канцлеру это место в своем сердце и украсили стены своих жилищ его портретами – и, таким образом, я рискую подвергнуться упрекам со стороны тех или других лиц за то, что я преимущественно веду речь в своем повествовании о скорлупе, не касаясь самого зерна, которое остается неоцененным. Быть может, впоследствии мне будет и возможно сделать скромный опыт и прибавить к образу этой личности несколько новых черт. Но в настоящее время по отношению к подобным предприятиям я руководствуюсь следующим изречением: «Собирайте все крошки, чтобы ничего не пропало».

Материалом для моих записок послужил дневник, в который во время наших остановок я заносил по возможности подробно и верно все события и разговоры, все, что я видел и слышал, находясь в непосредственном кругу канцлера. Канцлер, во всяком случае, представлял главную фигуру, около которой группировалось все остальное. В качестве чуткого и добросовестного хроникера я поставил себе первой и ближайшей задачей отмечать – сначала исключительно для самого себя, – как он держал себя во время великой войны, причем источниками должны были служить мои личные наблюдения и только вполне достоверные рассказы посторонних лиц, – как он работал и жил во время похода, как рассуждал о настоящем, что говорил о прошлом – за обедом, за чаем или в иной обстановке. При исполнении этой задачи, в особенности когда приходилось записывать то, что он говорил более или менее в интимных кружках своих приближенных, мне оказали большую услугу, во-первых, моя наблюдательность, изоощренная к тому же почтением, которое я питал к его особе, и служебными отношениями, в каких я прежде к нему стоял, и, во-вторых, моя память, достаточно выработанная еще дома, но доведенная в последнее полугодие перед началом войны до такой степени, что я был в состоянии помнить во всех главных чертах самые длинные речи канцлера – все равно, имели ли они серьезный или шуточный характер, – и помнил до тех пор, пока не вверял их бумаге. Это значит, что если в этот промежуток времени ничто мне не мешало – чего, однако, я мог опасаться в большинстве случаев, – то все вышеупомянутое почти без исключения записывалось мною до истечения часа после того, как становилось предметом моего внимания. Кто обладает глазами, ушами и памятью по отношению к слогу, каким выражается обыкновенно канцлер, беседуя в тесном кругу, тот сразу увидит, что я не сочиняю. Именно он встретит в речах его, записанных мною, и затейливые сказки, и фигуры умолчания, – все, что так напоминает язык баллад, и, кроме

того, он найдет, что часто подкладку этих речей составляет юмор. И то и другое, как известно, – характерные признаки языка канцлера.

Вообще предлагаемые рассказы, равно как и сопровождающие их изречения и замечания, представляют ряд фотографических нерастушированных снимков. Другими словами, помимо того, что все, передаваемое мною, было предметом самого строгого внимания с моей стороны, я сознаю еще очень хорошо, что я ничего не упустил, что можно было сообщить, ничего не изменил, а главное – ничего не прибавил. Где должен был быть пробел – там обыкновенно это обозначено посредством мыслотделительного знака. Где я нехорошо понял говорящего, там это указано. Некоторые суждения о французах могут показаться резкими и местами даже жесткими. Но надо вспомнить, что уже обыкновенная война ожесточает и раздражает и что война «хотя бы на ножах», объявленная Гамбеттой, при его пламенном увлечении и упорстве вольных стрелков должна была тем более вызвать в нашем лагере настроение, которому чужды были кротость и пощада. Выражения, сложившиеся под влиянием этого настроения, приведены, конечно, не с той целью, чтобы кого-нибудь оскорбить, но единственно как материал для истории войны и характеристики канцлера.

В заключение замечу, что описания местностей, полей битв и т. п. точно так же, как и некоторые обстоятельства, включены мною в мою книгу лишь ради разнообразия; что же касается газетных статей, то я их привел лишь для того, чтобы показать, как возникали известные мысли в известное время.

Граф Бисмарк и его люди

Глава I

Отъезд союзного канцлера. – Я следую за ним непосредственно в Саарбрюкен. – Дальнейшее путешествие оттуда до французской границы. – Походная канцелярия Иностранных дел

31-го июля 1870 г. в половине шестого вечера канцлер, причастившись, за несколько дней перед тем у себя на дому, на Вильгельмштрассе, выехал в сопровождении своей супруги и дочери, графини Марии, на вокзал железной дороги, чтобы затем отправиться с королем Вильгельмом через Майнц на театр военных действий. Некоторые советники министерства иностранных дел, секретарь-экспедитор центрального бюро, два шиффрера и двое или трое канцелярских служителей получили приказание следовать за ним. Мы же, остававшиеся в Берлине, только напутствовали его добрыми пожеланиями, стоя на подъезде между двумя сфинксами, красовавшимися по обеим сторонам лестницы, когда он с каскою на голове спускался к карете. И я в числе прочих уже примирился с участью следить за ходом военных событий только по карте и газетам. Но дело вдруг приняло для меня благоприятный оборот.

6-го августа в министерстве была получена телеграмма о победе при Верте. Полчаса спустя после окончания служебных занятий я доставил эту радостную новость, еще совершенно свежую, нескольким знакомым, ожидавшим в ресторане на Потсдамской улице грядущих событий. Известно, как охотно немец празднует хорошие вести. И так как весть, принесенная мною, была очень хорошая весть, то она была ознаменована шумной пирушкой, некоторыми даже слишком шумной, а большинством слишком продолжительной. Вследствие этого на следующее утро я был еще в постели, как ко мне явился канцелярский служитель и передал копию с депеши, которой мне предписывали немедленно ехать в главную квартиру.

Итак, судьба пожалела меня! Быстро сделал я необходимые приготовления, к полудню выправил паспорт, получил легитимационную карточку и билет на все воинские поезда и около восьми часов вечера уже катил по железной дороге с двумя спутниками, которых взял с собою по приказанию министра, горя нетерпением с Божьей помощью достигнуть своей цели, миновав Галле, Нордгаузен и Кассель, как только возможно скорее.

Сначала мы ехали в отделении первого класса, затем в третьем классе и, наконец, в товарном поезде. Везде были продолжительные остановки, казавшиеся нам еще более продолжительными, чем они были на самом деле. Лишь 9-го августа рано утром, в 6 часов, приехали мы во Франкфурт. Здесь мы должны были прождать несколько часов, прежде чем можно было пуститься в дальнейший путь, и поэтому у нас было достаточно времени навести справку, где находится главная квартира. Начальник этапа не мог нам дать никакого решительного ответа. Директор телеграфной станции, к которому мы обратились с нашим вопросом, тоже не сказал ничего определенного. «Может быть, в Гомбурге», соображал он, «все же вероятнее уже в Саарбрюкене».

Лишь вечером мы двинулись далее – в товарном вагоне – через Дармштадт по Оденвальду, темные горы которого были повиты густыми белыми облаками тумана, и далее через Маннгейм на Нейштадт. Поезд полз все тише и тише, и все чаще должны мы были уступать дорогу другим необозримо длинным воинским поездам. Всюду, где останавливалась наша волна в потоке этого современного переселения народов, появлялись добродушные люди, входили в вагоны и предлагали солдатам есть и пить; и между ними особенно обращали на себя

внимание старушки; эти сердечные, всегда готовые помочь бедные женщины угощали чем только могли: кофе с молоком и сухим черным хлебом.

Рейн переехали ночью. Когда стало рассветать, мы заметили, что около нас лежит на полу щеголевато одетый господин и разговаривает с другим, которого мы приняли за его слугу, по-английски. Оказалось, что это был лондонский банкир Дейхман, отправляющийся также в главную квартиру, чтобы испросить у Роона позволения совершить поход в качестве волонтера в одном из кавалерийских полков, и что с этой целью он везет с собой и своих лошадей. По его совету мы до Нейштадта от Госбаха, – где поезд положительно не мог двигаться далее, потому что впереди его рельсы были заняты еще двумя или тремя поездами, – совершили переезд на лошадях в наскоро нанятой крестьянской телеге. Этот пфальцский городок кишел солдатами, баварскими стрелками, прусскими красными гусарами, саксонцами и другими мундирами.

Здесь в первый раз после отъезда из Берлина мы поели горячего. До сих пор в нашем распоряжении были только холодные кушанья. И до сих пор мы делали малоуспешные попытки заснуть на жестких деревянных скамьях, положив под голову походную сумку. Впрочем, не следует забывать, что мы были на военном положении и что во время других поездок, которые я совершал далеко не с такой благодарной целью, мне приходилось терпеть еще большие неудобства.

Из Нейштадта после часовой остановки мы поехали далее, прямо через Гардт, по узким долинам, покрытым сосновым лесом, прорезали несколько туннелей, наконец добрались до горного ущелья, в котором лежит Кайзерлаутерн. Перед этим были часы, когда погода прояснялась и светило солнце, но потом, во все время переезда отсюда до Гомбурга, исключительно шел дождь и притом лил как из ведра, так что местечко, когда мы подъехали в 10 часов к вокзалу, показалось нам сплошной массой мрака и воды. Мы вышли из вагона, взвалили свои чемоданы на плечи и в проливной дождь стали перебираться через болота и лужи, спотыкаясь о рельсы; после множества расспросов мы отыскали наконец гостиницу «Zur Post», где уже все комнаты были заняты и где уже ничего не было, что могло бы служить подкреплению нашего духа и нашей плоти. Впрочем, даже при более благоприятных обстоятельствах мы не могли бы здесь ничем воспользоваться; мы узнали, что граф и король уже проехали дальше и, вероятно, были уже в Саарбрюкене; значит, нужно было торопиться, если мы желали застать канцлера еще в Германии.

Опять очутились мы под дождем, и в этом не было ничего отрадного. Мы несколько утешали себя, однако, тем соображением, что другим было и того хуже. В почтовой комнате, в атмосфере табачного дыма и лампового чада, пивных паров и запаха сырой кожи и сукна, лежали и спали люди на столах и сдвинутых стульях. Влево от вокзала курились гасимые ливнем сторожевые огни большого лагеря – саксонцев, – если только на наш вопрос ответили верно. Когда мы побрели назад к нашему поезду, сквозь косые струи дождя блеснули остроконечные каски и ружейные стволы прусского батальона, который построился перед гостиницей вокзала. Основательно вымокши и порядком уставши, мы снова нашли убежище в товарном вагоне, где Дейхман для себя и меня открыл местечко на полу в узком боковом отделении. Здесь можно было вытянуться, положивши под голову вместо подушки две охапки сена. Остальным спутникам, между которыми были барон и профессор, было не так хорошо. Они должны были улечься на ящиках между почтовыми пакетами, рядом с почтальонами и низшими чинами. Около часа поезд тронулся. После нескольких остановок мы подъехали светом к одному городку с красивой старинной церковью. В долине недалеко находилась мельница, около которой извивалось, как лента, саарбрюкенское шоссе. Нам сказали, что до него еще добрых полмили, и, таким образом, мы были очень близко от цели. Но наш локомотив, казалось, испускал последнее дыхание, а главная квартира могла сняться каждую минуту и перейти границу, где еще не было устроено для нас железной дороги и где, по всей вероятности, было так же мало и других средств передвижения. Облачное небо и мелкий морозящий дождик едва

ли могли уменьшить наше нетерпение и способствовать улучшению нашего дурного настроения, порожденного подобными размышлениями. Напрасно ждали мы в течение двух часов сигнального свистка нашего паровоза. Вдруг Дейхман снова выручил нас из беды. Он исчез, и когда вернулся какое-то время спустя, то оказалось, что он договорил внизу мельника доставить нас в город. При этом он должен был поручиться предусмотрительному человеку, что солдаты не отнимут у него лошадей.

Во время поездки мельник рассказал нам, что пруссаки выдвинули свои передовые посты уже до окрестностей Меца. Между 9 и 10 часами мы были в Санкт-Иоганне, предместье Саарбрюкена, лежащем на правом берегу Саары, где мы увидели немногие следы произведенной французами несколько дней перед тем бомбардировки, а также уже довольно пеструю и живую картину боевой жизни. Тележки маркитантов, багажные повозки, пешие и конные солдаты, иоаннит с перевязью красного креста на руке и т. п. двигались по улицам. Гессенские войска, драгуны и артиллерия проходили мимо; всадники пели: «Morgenroth, leuchtest mir zum frühen Tod».

В гостинице, куда мы перебрались, я узнал, что союзный канцлер еще здесь и занял квартиру у купца и фабриканта Гальди. Итак, несмотря на все задержки на пути, ничего не было потеряно, и я благополучно добрался до пристани, хотя, впрочем, чуть-чуть не опоздал, потому что, отправившись к Гальди, чтобы донести о моем прибытии, я узнал на лестнице от графа Бисмарка-Болена, двоюродного брата министра, что вечером предполагают двинуться далее. Я простился с моими берлинскими спутниками, для которых не хватало мест в поезде министра, и с лондонским банкиром, которому генерал Роон объявил, что, к сожалению, никак не может воспользоваться его патриотическим предложением. Затем я велел снести мой чемодан в фургон, где помещалась кухня; этот фургон вместе с прочими экипажами вскоре отправился к Саарбрюкенскому мосту. Отделавшись таким образом от чемодана, я возвратился в дом Гальди, и здесь в аванзале представился канцлеру, вышедшему из своего покоя для свидания с королем, после чего отправился в бюро и спросил, есть ли работа. Работы было довольно. Чиновники были завалены ею по горло, и я тотчас же принял участие в переводе для короля только что полученной тронной речи ее британского величества. Высокий интерес представила для меня, между прочим, одна депеша, которую я должен был продиктовать шиффреру и которая гласила, что мы не можем удовольствоваться лишь низвержением Наполеона.

Я с трудом, однако, сообразил, в чем дело. Все это казалось предзнаменованием какого-то чуда. Страсбург! Быть может, вогезская граница! Кто мог мечтать об этом три недели назад?

Погода между тем прояснилась. Солнце ярко горело, когда за несколько минут до часа к крыльцу подъехали экипажи, запряженные четверками, солдаты верхом, одна карета для канцлера, другая для советников и графа Бисмарка-Болена, третья для секретаря-экспедитора и обоих шиффреров. Министр с тайным советником Абекеном сели в свой экипаж, его двоюродный брат и другие советники сели на лошадей, все прочие чиновники, вооруженные портфелями, заняли предназначенные им места. Я сел на этот раз в ту карету, где должны были быть советники, и оставался в ней все время, пока они ехали верхом. Пять минут спустя мы переехали реку и очутились на главной улице Саарбрюкена. Затем потянулось шоссе, окаймленное тополями, ведущее к Форбаху, полю битвы 6-го августа, и уже через полчаса после нашего отъезда из Санкт-Иоганна мы были во Франции. Еще оставались следы от кровопролитного боя, происходившего здесь пять дней назад около самой границы: на земле валялись оторванные пулями древесные ветви, рожки, клочки одежды и полотна; поле, засеянное картофелем, было вытоптано, как ток, там и сям виднелись разбитые колеса, ямы, вырытые гранатами, маленькие, наскоро связанные кресты, быть может, означающие место, где были погребены павшие, и т. п. Вообще мертвые, насколько можно было заметить, были уже все похоронены.

Здесь, в начале нашего путешествия по Франции, я хочу на некоторое непродолжительное время прервать нить моего повествования, чтобы сказать несколько слов о походной канце-

лярии иностранных дел и о том, как канцлер путешествовал со своими людьми, как он работал и вообще какую вел с ними жизнь. Министр выбрал в свою свиту действительного тайного легационсрата Абекена и фон Кейделля, действительного легационсрата графа Гацфельда, состоявшего прежде в течение нескольких лет при прусском посольстве в Париже, и легационсрата графа Бисмарка-Болена. Затем к ним были прикомандированы тайный секретарь Бельзинг из центрального бюро, шиффреры Виллих и Сэн-Бланкар и, наконец, я. В качестве рассыльных и вахмистров при нас состояли канцеляристы Энгель, Тейсс и Эйгенбротт; последний был заменен в начале сентября проворным и ловким Крюгером. С нами был еще и господин Леверстрем, по прозвищу «черный рыцарь», который разносит теперь по Берлину министерские эстафеты. Забота о нашей телесной природе была поручена повару, несшему во время дороги обязанности обозного солдата; имя его было Шульц. В Феррьере наличный состав советников пополнился Лотаром Бухером, затем здесь к нам был прикомандирован третий шиффрер, г. Вир. В Версале, наконец, к нам присоединились теперешний легационсрат фон Гольштейн, молодой граф Вартенслебен и для дел, не подлежащих ведомству походной канцелярии, тайный обер-регирунгсрат Вагнер. Бельзинг несколько недель спустя заболел и был заменен тайным секретарем Вольманном, а возрастающая масса дел потребовала еще четвертого шиффрера, затем было увеличено число канцеляристов, но имен ни одного из них я, к сожалению, не запомнил. Благосклонность нашего «шефа» – так чиновники нашей канцелярии называли обыкновенно канцлера – сделала то, что его сотрудники – и секретари, и советники – стали некоторым образом членами его дома. Мы жили с ним, когда обстоятельства это позволяли, в одном и том же доме и имели честь обедать за его столом.

Канцлер во все время войны ходил в форменном платье и притом обыкновенно в мундире желтого полка тяжелой ландверной кавалерии. Он носил белую шапку и высокие сапоги с раструбами, а во время поездок верхом по полям битв или сторожевым пунктам надевал через плечо ремень, на котором висел черный кожаный футляр с кинжалом; иногда при нем, кроме палаша, был еще револьвер. Из орденов он в первые месяцы носил – Красного орла, потом Железный крест. Лишь в Версале видел я его в халате; он был тогда болен; хотя, сколько я знаю, он почти ни разу не мог пожаловаться на нездоровье ранее этого, во все время похода. В дороге он ездил большею частью с покойным Абекеном; раз несколько дней подряд со мной. В отношении помещения он не был требователен, и даже там, где можно было бы устроиться с некоторым комфортом, он довольствовался самою скромною квартирою. В то время как в Версале полковники и майоры иногда располагали целыми анфиладами блестящих покоев, союзный канцлер в продолжение пяти месяцев, которые мы здесь провели, жил в двух маленьких комнатах, из которых одна была вместе и рабочим кабинетом, и спальней, а другая небольшой и не особенно изящной гостиной и находилась в нижнем этаже. В бытность нашу в Клермон-ан-Арагоне нам отвели помещение в школьном доме; не оказалось кроватей – и канцлеру пришлось приготовить постель на полу.

В дороге мы следовали непосредственно за обозом короля. Мы выступали обыкновенно в 10 часов утра и делали иногда переходы до 60 километров. Приходя на ночевку, сейчас устраивали бюро, в котором работы всегда было вдоволь, особенно если до нас доходил полевой телеграф, и канцлер посредством его снова делался тем, чем он всегда был в это время, за исключением небольших перерывов, – центром цивилизованного европейского мира. Даже там, где останавливались лишь на ночь, он держал свою свиту до позднего часа, сам неустанно трудясь и почти не отрываясь от работы. Постоянно сновали фельдъегеря, рассыльные, приносили и относили письма и телеграммы, и чиновники составляли по указанию своего начальника ноты, отпуска и назначения, канцелярия списывала и регистрировала, шифрировала и дешифрировала. Со всех четырех сторон света стекался сюда материал из донесений и запросов, газетных статей и т. п., и большая часть его требовала быстрой обработки.

Абекен был, бесспорно, самым деятельным из чиновников до поступления Бухера. Он был действительно очень полезной силой. Во время многолетней службы он вполне познакомился с делопроизводством, был виртуозом рутин, обладал приличным запасом фраз, выливавшихся у него из-под пера без особенных усилий воли с его стороны, владел несколькими языками настолько, насколько требовали того поставленные ему задачи, был, можно сказать, создан для того, чтобы со скоростью паровой машины облекать в известную форму идеи канцлера, которые тот ему сообщал, и при помощи своего феноменального прилежания часто заготовлял в день изумительнейшее количество хорошо сочиненных бумаг. Почерпнуть материал из самого себя, – конечно, там, где дело шло о сколько-нибудь важных вопросах, – он едва ли был в состоянии. Да этого и не требовалось. Нужен был только искусный формовщик. О содержании заботился гений министра.

Почти сверхчеловеческая способность канцлера работать – работать творчески, скоро, критически, разрешать самые трудные задачи, везде отыскать тотчас истину и выбрать самое подходящее, быть может, никогда не была так удивительна, как в это время, и ее неистощимость была тем изумительнее, что израсходованные при такой деятельности силы восстанавливались лишь непродолжительным сном. Министр вставал в походе по-домашнему, поздно, обыкновенно около десяти часов, если только давно ожидаемая битва не призывала его перед рассветом к королю и войску. Потом уже он не спал всю ночь и засыпал, лишь когда занималась заря. Часто, еще не одеваясь, начинал он думать и работать, читал депеши, делая при этом свои замечания, просматривал газеты, давал инструкции чиновникам и другим сотрудникам, задавал вопросы и ставил проблемы всевозможного рода, сам писал или диктовал. Затем надо было принимать визиты, или давать аудиенции, или идти с докладом к королю. Потом снова изучение депеш или карт, корректура заказанных статей, писание программ знаменитым толстым карандашом, сочинение писем, справка с телеграммами или газетными толками и в промежутках опять прием необходимых визитов, которые не всегда бывали приятны. Лишь после двух, иногда лишь после трех часов канцлер позволял себе отдых там, где стоянка продолжалась более продолжительное время, и совершал поездки верхом по окрестностям. Затем работа начиналась снова до шестого часа, когда шли к обеду. Полтора часа спустя – никак не более – он сидел уже в своей комнате за письменным столом, и часто можно было его видеть за полночь читающим или вверяющим свои мысли бумаге.

Как сон у графа был совершенно особенный, чем у обыкновенных людей, так и в обеде он проявлял некоторую своеобразность. Утром он выпивал чашку чаю и съедал одно или два яйца, и затем до вечернего обеда не ел обыкновенно ничего. Очень редко принимал он участие во втором завтраке, и то лишь иногда в чае, который подавался в десятом часу. Он ел – не считая случайных исключений, – в течение суток, собственно, один раз, но зато, замечу мимоходом, подобно Фридриху Великому, очень сытно. Пословица гласит, что у дипломатов всегда хороший обед и едва ли, по моему мнению, они уступают в этом отношении прелатам. Это уже зависит от их положения, так как они принимают у себя влиятельных и вообще значительных гостей, которых необходимо для той или другой цели привести в благодушное настроение, а ничто так приятно не настраивает, как запасы хорошего погреба и результаты искусства отличного повара. И у графа Бисмарка был хороший стол, доходивший, смотря по обстоятельствам, до роскоши. Это бывало в Реймсе, Мо, Феррьерере и, наконец, в Версале, где нам создавали такие художественные завтраки и обеды, что человек, привыкший к обыкновенной мещанской кухне, не мог не воздавать им должного и чувствовал себя почти на лоне Авраамовом, особенно если к числу напитков присоединялось, кроме других драгоценных даров неба, еще канарское сладкое вино (сект). В кухонном фургоне хранились для таких пиршеств оловянные тарелки, кубки из сереброподобного металла, внутри вызолоченные, и такие же чашки. Роскошь наших обедов, которыми нас так радушно угощали, увеличивалась в продолжение последних пяти месяцев приношениями из отечества; немцы не забывали своего союзного канцлера и снабжали его

шпигованными гусями, дичью, благородными рыбами, фазанами, плодами, отличным пивом, тонкими винами и многими другими дорогими вещами.

Я замечу в заключение этой главы, что, кроме канцлера, сначала носили мундиры только советники: фон Кейделль – светло-голубой кирасирский, граф Бисмарк-Болен – гвардейского драгунского полка, гр. Гацфельд и Абекен – форму чиновников министерства иностранных дел. Впоследствии возникла мысль о том, чтобы этот наряд был присвоен всему персоналу прикомандированных к свите министра, исключая вышеупомянутых двух господ, состоявших в то же время на военной службе. Наш шеф дал на это свое согласие, и Версаль увидел даже канцеляристов в темно-синих двубортных сюртуках с черными воротниками и бархатными лацканами, в шапках такого же цвета, у советников, секретарей и шиффреров, кроме того, были еще шпаги на золотых портупях. Старый тайный советник Абекен сидел очень браво на своей лошади и имел в этом костюме весьма воинственный вид; и я думаю, он чувствовал это и был счастлив.

Глава II

От границы до гравелота

В предыдущей главе я остановился на французской границе. Что мы ее перешли, доказывали названия деревень. Можно было прочитать на дощечках: «*Departement de la Moselle*». Белая дорога была запружена фургонами, отрядами войск, каждое местечко было занято постоем. В холмистой, частью лесистой местности были там и сям небольшие лагеря, в которых можно было видеть лошадей, привязанных к пикетным столбам, пушки, пороховые ящики, маркитантов, ямы для разведения огня и занятых приготовлением пищи солдат.

Около двух часов спустя мы достигли Форбаха, который мы проехали не останавливаясь. Вывески на мастерских и лавках здесь были все без исключения на французском языке, имена же хозяев, напротив, большею частью немецкие – например, «*Schwarz, boulanger*». Некоторые из жителей, стоя у дверей своих жилищ, кланялись по направлению к экипажам, весьма многие смотрели на нас с сердитым выражением лиц; очевидно, они претерпели от постоа. Все окна были переполнены синими пруссаками.

Так ехали мы с горы на гору, через леса и через деревни и приехали в Сент-Авольд, куда мы прибыли в половине пятого, и все вместе с канцлером заняли квартиру в улице *des Charrons*, № 301, в доме г. Лети. Это был одноэтажный дом с белыми жалюзи, фасад которого был снабжен всего пятью окнами, но который благодаря своей ширине оказался очень поместителен. Сзади он выходил в хорошо содержимый плодовый сад, прорезанный дорожками. Владелец, по всей вероятности, отставной офицер, и, по-видимому, зажиточный, уехал за несколько дней до нашего приезда и оставил в доме какую-то старушку, говорящую только по-французски, и служанку. Министр занял одну из передних комнат, остальные поместились в комнатах, прилегающих к коридору, который вел в задние покои. В полчаса было устроено бюро в одном из этих покоев, служившем одновременно и спальней для Кейделля. Комната рядом была предназначена для Абекена и меня. Он спал на кровати, снабженной балдахинном и поставленной в нише, причем в головах у него висел образ Распятого, а в ногах – Богоматери с окровавленным сердцем; несомненно, хозяева дома были ревностными католиками. Для меня устроили покойное ложе на полу. Бюро начало тотчас же прилежно работать, а так как для меня по моей части еще не было работы, то я стал помогать дешифровать депеши – манипуляция, не представляющая никаких трудностей.

Вечером, после семи часов, мы обедали с графом в маленькой комнате, смежной с его кабинетом, окна которой выходили на узкий двор, украшенный цветочными клумбами. Разговор за столом был очень оживлен, но говорил преимущественно сам министр. Он считал возможным нападение врасплох; во время своих прогулок верхом он пришел к убеждению, что

наши передовые посты находились лишь в трех четвертях часа от города и были слишком разбросаны. Он спрашивал часовых, где находится ближайший пост, но они не знали этого. Позже он заметил, что наш хозяин, убегая, оставил комоды, которые были битком набиты бельем, и прибавил: «Если после нас прибудет сюда лазарет, то прекрасные рубашки его жены пойдут на корпию и бинты, и совершенно по праву. Но тогда скажут, что граф Бисмарк взял их с собой».

Затем разговор зашел о расположении войск, и министр сказал, что Штейнмец выказал при этом своеволие и непослушание. «Он повредит себе этим, заключил он, несмотря на свои скалицкие лавры».

Перед нами был коньяк, красное вино и майнцская шипучка. Кто-то заговорил о пиве и полагал, что его у нас не будет. Министр отвечал: «Это ничего. Широкое распространение пива было печальным явлением. Оно делает человека глупым, ленивым и слабым. В нем источник демократического политиканства. Предпочтительно хорошее хлебное вино».

Не знаю уж как и в связи с чем, но зашел разговор о мормонах и затем перешел на вопрос о том, возможно ли терпеть их и их многоженство. Граф воспользовался удобным случаем высказаться вообще о религиозной свободе и объявил, что он стоит за нее, только она должна быть управляема, прибавил он, совершенно независима от борьбы партий. «Каждый может по-своему наследовать царствие Божие, – сказал он, – я когда-нибудь подниму этот вопрос, и, наверное, рейхстаг будет стоять за это. Церковное имущество, конечно, должно остаться за теми, которые не покидают старой церкви, приобретшей его. Кто выходит из нее, тот должен принести жертву своему убеждению или просто своему неверию. Для католиков это не имеет значения, если они правоверны, для евреев тоже, а для лютеран – напротив; и об их церкви постоянно кричат, что она гонительница, когда она отклоняет неправовверных; но что правоверные постоянно подвергаются гонениям и насмешкам со стороны прессы, это почему-то считается в порядке вещей».

После обеда советники отправились с союзным канцлером гулять по саду. Спустившись с крыльца, мы увидели в некотором расстоянии от дома большое здание, на котором развевалось белое знамя с красным крестом; из окон этого здания нас лорнировали монахини. Очевидно, это был монастырь, превращенный в госпиталь. Вечером один из шиффреров выразил сильное беспокойство и озабоченность ввиду возможности нападения; начали совещаться, что делать с портфелями, в которых находились государственные бумаги и шифры. Я старался успокоить и дал слово, что в случае надобности окажу какое могу содействие в спасении и уничтожении бумаг.

Но тревога и опасения были совершенно напрасны. Ночь прошла спокойно, наступило утро, и появился кофе. За ними по пятам прилетел с депешами из Берлина зеленый фельдъегерь. У подобных гонцов ноги окрылены, и тем не менее он ехал не скорее нашего, т. е. меня и моей боязни опоздать. Он выехал в понедельник 8-го августа и ехал несколько раз с экстрапочтой, и все-таки ему нужно было почти 4 суток, чтобы добраться до нас; было уже 12-е число. Утром я снова помогал шиффрерам. Затем, во время пребывания шефа у короля, я посетил с советниками большую красивую городскую церковь, по которой нас водил капеллан. После обеда, когда министр прогуливался верхом, мы осмотрели прусский артиллерийский парк, устроенный на горе, позади местечка.

В четыре часа, по возвращении канцлера, мы сели за обед. Канцлер ездил далеко повидаваться с своими двумя сыновьями, служившими рядовыми в гвардейских драгунах, и узнал, что немецкая кавалерия дошла уже до верхней части Мозеля. Он был в хорошем расположении духа, вероятно, по той причине, что наше дело продолжало идти очень успешно. Когда разговор зашел о мифологии, он выразился, что «никогда терпеть не мог Аполлона». Аполлон «пощадил Марсиаса из упрямства и зависти и по тем же причинам застрелил детей Ниобы». «Он представляет, – продолжал он, – настоящий тип француза; он не мог выносить, чтобы кто-нибудь играл на флейте лучше его или так же хорошо, как и он». Что он держал сторону тро-

янцев, тоже не говорит в его пользу. В конце концов, канцлер высказался за Вулкана и заявил, что ему нравится еще Нептун – но не пояснил за что, быть может, за его Quos ego!

После обеда мы получили радостную весть, которую нужно было немедленно передать в Берлин по телеграфу. А именно: «7-го августа у нас было более 10 000 пленных. Впечатление, произведенное на неприятеля победою при Саарбрюкене, было гораздо большее, чем предполагали сначала. Он бросил понтонный обоз, состоявший из 40 повозок, около 40 000 одеял, которые пригодились раненым, и на миллион франков запасов табаку. Пфальбург и Вогезский проход – в наших руках. Бич обложен одной ротой, потому что гарнизон его заключает в себе лишь 300 национальных гвардейцев. Наша кавалерия стоит уже у Люневилля». Немного спустя за этим последовало еще другое радостное известие: французский министр финансов, очевидно, вследствие успехов германских войск – приглашал французов не хранить своего золота у себя дома, а присылать его в государственный банк.

Далее говорилось об изготовлении прокламации, которую запрещалась конскрипция в занятых германскими войсками местностях – и отменялась навсегда. Из Мадрида сообщали, что приверженцы Монпансье, либеральные политические деятели вроде, например, Реос Розаса и Топете и другие вожаки партий ревностно стремятся к немедленному созванию народного представительства, чтобы избранием короля положить конец временному порядку вещей; герцог Монпансье, на которого они рассчитывают, находится уже в столице; между тем правительство очень энергически противодействует осуществлению этого плана.

Наконец мы узнали, что завтра надо двигаться далее, и нашей ближайшей стоянкой должен был быть маленький городок Фолькемон. Вечером я снова упражнялся в дешифрировке, и мне удалось без всякой помощи разобрать депешу из 20 приблизительно цифровых столбцов в столько же почти минут.

Действительно, 13-го августа мы выехали в Фолькемон или, как мы теперь пишем, в Фалькенберг. Холмистая местность, по которой мы ехали, была похожа на окрестности Саарбрюкена; во многих местах она была покрыта кустарником и изобиловала боевыми картинами. Шоссе было запружено обозом, пушками, подвижными лазаретами, армейскими жандармами и ординарцами. Длинные ряды пехоты тянулись по дороге и прямо по сжатым полям. Иногда в строю падал человек, там или сям лежали отставшие; августовское солнце бросало снопы палящих лучей с безоблачного неба. Войска, шедшие перед нами и позади нас, были 84-й (Шлезвиг-Гольштинский) и 36-й полки. Наконец прорезавши густое желтое облако пыли, поднятое ими, мы вошли в городок, где я занял квартиру у булочника Шмидта. Министр пропал в толпе, и лишь некоторое время спустя я узнал от оставшихся в Фалькенберге советников, что он с королем уехал в деревню Герни, отстоявшую от нас на добрую милю.

Фалькенберг – местечко приблизительно с 2000 жителей, состоящее из нескольких довольно длинных главных улиц и узких переулков и лежащее на отлогом гребне холма. Всю остальную часть дня почти непрерывно проходили мимо нас войска. Саксонцы стояли неподалеку. Они присылали своих маркитантов вплоть до поздней ночи за хлебом к моему булочнику, у которого скоро оказался недостаток вследствие такого необычайного спроса.

Вечером прусские гусары привезли нескольких пленных и, между прочим, одного тюркоса, заменившего свою феску обыкновенною шляпою. В другом месте города, близ ратуши, мы наткнулись на шумную ссору. Маркитантка что-то украла у одного лавочника, – кажется, несколько шляп, которые она и должна была отдать. Нельзя было узнать, к какому обозу она принадлежала. Наши соотечественники платили – я видел это собственными глазами – за все, что им было нужно и чего они требовали, хорошие деньги. Случалось еще и не так. Граф Гацфельд рассказал мне следующее: «Ко мне с Кейделлем подошла сегодня на улице женщина, жалуясь со слезами, что солдаты угнали ее корову. Кейделль старался ее утешить, говоря что он посмотрит, может быть, он и возвратит ей корову; и, когда она нам сказала, что корову угнали кирасиры, мы пошли их отыскивать; при этом она дала нам в проводники маленького

мальчика. Тот вывел нас в поле, но ни кирасиров, ни коровы указать не мог, и мы, не разобрав дела, возвратились назад. Кейделль хочет теперь заплатить ей за корову».

Мои хозяева были очень вежливы и добродушны. Они быстро очистили для меня лучшую комнату и принесли мне, несмотря на мою просьбу не беспокоиться обо мне, роскошный завтрак с красным вином; при этом по французскому обычаю был подан еще кофе в маленькой чашечке со столовой серебряной ложкой, из которой я должен был пить, и чему я, невзирая на мое сопротивление, должен был в конце концов покориться. Хозяйка плохо говорила по-немецки, хозяин довольно бегло, хотя и не совсем чисто, и при случае вставлял в свою речь французские слова. Судя по образам, висевшим в их комнатах, можно было заключить, что они католики.

После обеда в гостинице, где нашли себе пристанище советники, я возвратился к своим булочникам и имел удовольствие в благодарность за их предупредительность оказать им небольшую услугу, которая вывела их из затруднительного положения. Ночью после 11 часов я услышал шум и стук. Минуту спустя хозяйка просунула голову в дверь и попросила меня заступиться за нее: наши солдаты хотят насильно получить от нее чего-нибудь съестного, тогда как в булочной теперь ничего нет. Я быстро оделся и застал булочника и булочницу, окруженных саксонскими солдатами и маркитантами, которые бурно наступали на них, требуя хлеба; при этом, я должен отдать им справедливость, они в нем крайне нуждались. На лицо имелись только, как оказалось, две или три булки. Я предложил компромисс, в силу которого булочник должен был разделить между всеми свой небольшой запас хлеба и приготовить к утру сорок булок. После непродолжительного спора обе стороны остались довольны таким решением, и ночь прошла совершенно спокойно.

В воскресенье, 14-го числа, после обеда, за которым Кейделль сообщил, что он так заплатил своей женщине чуть ли не 30 талеров за корову, мы поехали в Герни. Над нами висел темно-голубой свод неба, и от сильной жары рябило в глазах. Близ одной деревни, влево от дороги, гессенская пехота присутствовала при богослужении на открытом воздухе, солдаты-католики в одной кучке, протестанты неподалеку – в другой, вокруг своих священников. Последние пели: «Бог – наша твердыня».

Приехав в Герни, мы увидели, что канцлер занял квартиру в первом этаже длинного, низенького, белого крестьянского домика, откуда его окно выходило на навозную кучу. Дом был довольно поместителен, и мы все перебрались в него; мне опять пришлось занять одну комнату с Абекеном. Комната Гацфельда была в то же время и канцелярией. Король поместился у пастора против хорошенькой старинной церкви с живописью на окнах. Деревня представляла широкую, растянутую улицу с хорошо построенным зданием мэрии, в которой находилась и общинная школа, и с плотно прилегающими друг к другу домами, затем она спускалась к маленькому местному вокзалу. На станции мы нашли полное разорение, разбросанные бумаги, разорванные книги и т. п. Тут же солдаты сторожили двух пленных. После того как солнце стало склоняться к западу, в продолжение нескольких часов со стороны Меца доносился глухой гром пушечных выстрелов. За чаем министр сказал: «Я никак не думал четыре недели назад, что я буду с вами пить чай в крестьянском доме в Герни». Между прочим зашла речь о Грамоне, и граф удивлялся, что такой здоровый и сильный человек после таких неудач в своей антинемецкой политике не поступил в полк, чтобы искупить грехи своей глупости. Он достаточно росл для этого. «Если бы в 1866 году дело пошло скверно, – прибавил он, – я бы тотчас поступил в полк; мне совестно было бы оставаться в живых».

Когда он удалился в свою комнату – надо прибавить, маленькую и плохо меблированную, – меня несколько раз призывали к нему для выслушания от него разных приказаний. Было бы не бесполезно предложить нашим иллюстрированным газетам изобразить картину штурма Шпихернберга. Затем надо было бы ответить на уверения «Constitutionel», что пруссаки все жгут на пути и оставляют за собою лишь одни развалины; ничего подобного не про-

исходило. Наконец, было бы желательно возразить «*Neue Freie Presse*», относившейся к нам до сих пор благоприятно, но по словам «*Constitutionel*», в последнее время принявшей другое направление, быть может, потому что она потеряла подписчиков за свою дружбу с Пруссией¹, быть может, вследствие слуха, что венгерско-французская партия предполагает приобрести эту газету. «Скажите, – так заключил канцлер свое приказание относительно другой статьи «*Constitutionel*», – что в совете министров никогда не было речи об уступке Франции Саарбрюкена. Это дело никогда не выходило за пределы дружеских запросов и обсуждений, и, само собой разумеется, не мог думать об этом министр, который работает в национальном духе. Но толки имели небольшое основание. Еще до 1864 года в совете министров был поднят и обсуждался вопрос о том, насколько своевременна уступка частным обществам некоторых государственных имуществ, именно – угольных копей, лежащих близ Саарбрюкена. Я хотел этою операциею покрыть тогда издержки на шлезвиг-гольштинскую войну. Но все дело рушилось вследствие несогласия короля. Вот этот-то факт, надлежащим образом извращенный, и послужил поводом к теперешним газетным недоразумениям».

В понедельник 15-го нужно было снова выступать внезапно и в необычное время. Уже рано утром, вскоре после четырех часов, канцелярский служитель пришел в комнату нижнего этажа, где спали Абекен и я, и доложил: «Его сиятельство уезжает; господам надо приготовиться». Я тотчас вскочил и уложился. Но я поторопился; под господами разумелись советники. Около шести часов канцлер уехал с гр. Бисмарком-Боленом, а Абекен, Кейделль и Гацфельд поехали за ними верхом. Канцелярия осталась пока в Герни, где еще работы было достаточно, и где мы, окончив ее, могли быть полезнее и в другом отношении. Через деревню снова прошли большие отряды пехоты в облаках серо-желтой пыли; между прочим 2 прусских полка, состоявших частью из поморцев, рослого и красивого народа. Музыка играла: «*Heil dir im Siegeskranz*» и «*Ich bin ein Preusse*». Видно было по воспаленным глазам, как люди страдали от жажды, и мы живо организовали маленькую пожарную команду. В ведрах и кружках мы приносили воду и подавали ее на ходу – останавливаться было нельзя – по возможности в самом строю, и многие солдаты ухитрялись при помощи своей пятерни или взятого с собой оловянного сосуда промочить горло.

Имя нашего хозяина было Матиот, его жены – Мария; он говорил немного по-немецки, она на труднопонимаемом французском диалекте этой местности Лотарингии. Оба должны были относиться к нам не совсем дружелюбно, чего я, впрочем, не заметил. Да и министр ничего не заметил. До нашего приезда он имел дело лишь с мужем, и тот был «ничего». «Он, принося кушанье, спросил меня, – рассказывал он потом, – не желаю ли я попробовать его вина. Когда я стал расплачиваться, то за вино, очень недурное, он не взял ничего, а только за еду. Он осведомлялся о будущей границе и высказал надежду, что относительно податей станет несколько легче».

Остальных жителей деревни почти не было видно. Те, которые встречались, были вежливы и разговорчивы. Одна старуха крестьянка, у которой я попросил огня закурить сигару, ввела меня в комнату и показала висевший на стене портрет своего сына во французском мундире. Она плакала и жаловалась на императора за войну. Ее *rauvge garzon*, вероятно, уже убит, думала она, и ее нельзя было утешить.

Три часа спустя возвратились наши всадники, несколько позже министра. Между тем прибыли к нам граф Генкель, стройный мужчина с темной бородой, и депутат рейхстага Бамбергер, а также г. фон Ольберг, префект или что-то в этом роде. Мы начинали чувствовать себя господами завоеванной земли и устраиваться в ней. Что теперь уже все немцы смотрели

¹ По словам «*Constitutionel*» от 8-го августа, «давление общественного мнения в Вене обнаруживается постоянно яснее и так сильно, что «*Neue Freie Presse*» в один только день получила более тысячи писем, в которых подписчики объявляли, что они не будут принимать газеты, если она будет продолжать служить интересам Пруссии ко вреду Австрии». – Здесь и далее примеч. авт.

на занятую нами страну, как на свое будущее владение, убедила меня полученная с востока телеграмма, которую я помогал дешифровать и в которой говорилось, что мы, «коль на то Божья воля», должны удержать за собою Эльзас.

Король и канцлер, как оказалось за обедом, произвели нечто вроде рекогносцировки перед Мецом; в ней участвовал также и генерал Штейнмец. Стоящая вне крепости французская армия была им отчаянно атакована день назад у Курселя и отброшена в город и в форты. Предполагали, что потери неприятеля доходили до 4000 человек; в одном ущелье нашли около сорока красноштанников; почти все они были ранены в голову.

Вечером, когда мы сидели на скамье перед крыльцом, к нам вышел на несколько минут министр. Он спросил у меня сигару, но надворный советник Тальони (шифрер короля) оказался проворнее меня. Жаль, моя сигара была гораздо лучше, чем его.

За чаем канцлер между прочим говорил о том, что два раза, в Сан-Себастьяне и в Шлюс-сельбурге, его чуть-чуть не застрелили часовые; при этом мы узнали, что он понимает немного по-испански.

Потом был разговор о враждебном нам настроении в Голландии и о причинах его. Эти последние приписывались отчасти тому, что министр ван Цуйлен, в бытность свою нидерландским посланником в Берлине, сумел сделаться очень неприятным, вследствие чего ему не оказывали того почета, какого он желал, и он удалился, недовольный нами.

Шестнадцатого августа в десять часов, в прекрасное, но жаркое утро, мы снова двинулись в путь по направлению к Понт-а-Муссону. Я ехал в экипаже советников; некоторые из них снова поехали верхами. Около меня сидел ландрат Янзен, член консервативной партии рейхстага, светский любезный господин, приехавший занять место по управлению завоеванными местностями. Путь лежал через широкую, немного неровную долину по гребню холмов на высоком берегу Мозеля, на котором обрисовывался конус Муссона с его огромными развалинами. По отличной дороге мы проехали несколько деревень с красивыми мэриями и школами. Дорога кишела опять солдатами, пехотинцами, отрядами светло-голубых саксонских кавалеристов, экипажами и повозками всевозможного рода. Там и сям разбиты были небольшие лагеря.

Наконец после трех часов мы спустились с горы, въехали в долину Мозеля и затем в Понт-а-Муссон. В этом городе 8000 жителей; он расположен по обеим сторонам реки; в нем есть хороший каменный мост, а на правом берегу большая старая церковь. Мы переехали мост, проехали мимо рыночной площади, окруженной сводами, с несколькими гостиницами, кафе и старой ратушей, перед которой расположилась лагерем на соломе саксонская пехота, и повернули отсюда в улицу St.-Laurent, где была отведена квартира для министра вместе с Абеке-ном, Кейделлем и гр. Бисмарком-Боленом – в небольшом замке, сплошь обвитом вьющимися растениями с красными цветами. Его негостеприимным хозяином был, как мы узнали, какой-то старик, уехавший вместе с женой. Канцлер жил в комнатах первого этажа, выходивших в маленький сад, расположенный за домом. В нижнем этаже было устроено бюро также в одной из задних комнат; маленькая комната насупротив должна была служить столовой. Ландрат, я, секретарь Бельзинг, Виллиш и Сент-Бланкар – другой походный шифрер, получили квартиры также в улице St.-Laurent, через десять домов от рынка, в доме, по-видимому, обитаемом какими-то французскими дамами и их горничными. Я спал с Бланкаром – или – назовем его хоть раз полным его титулом – надворным советником Сент-Бланкаром – в комнате, в которой кто-то, подобно мне, много и далеко путешествовавший, развесил и разложил всевозможные редкости, вывезенные им из разных стран света: засушенные розовые венки, цветы, пальмовые ветви, фотографии града царя Давида, также *vino di Gergusalemme*, кокосовые орехи, кораллы, морских раков, морские губки, меч-рыбу и тому подобные чудовища с раскрытыми зевами и острыми зубами, далее три немецкие трубки и рядом с ними коллекцию их восточных родственников, затем тут же находились испанская Богоматерь с полудюжиной мечей в груди, рога

антилопы, московские образа, наконец, под стеклом и в рамке французская газета с помаркой русской цензуры – одним словом, здесь в этой комнате был настоящий этнографический кабинет.

Мы пробыли на своей квартире лишь столько времени, сколько было нужно, чтобы привести в порядок наш туалет. Затем мы поспешили в бюро. По дороге на углах мы увидели различные объявления: одно извещало о нашей победе 14-го числа, другое о прекращении набора и третье исходило от местного мэра; мэр увещевал жителей быть благоразумными; вероятно, за день или более перед этим жителями было произведено нападение на наши войска. С нашей стороны также было им приказано под страхом строгого наказания ставить огни на окна и открывать лавки и двери домов; кроме того, они должны были выдать все свое оружие ратуше.

Весь почти вечер грохотали пушки; за столом узнали, что у Меца опять была битва и что положение дел очень напряженное. Кто-то при этом заметил, что, может быть, не удастся отрезать отступление французам, которые, как говорили, очевидно, хотели идти на Верден. Министр отвечал шутя: «Мольке, этот жестокосердый злодей, сказал, что о подобной неудаче нечего тужить; тогда они, наверное, будут в наших руках». Это означало, надо полагать, что тогда в своем дальнейшем отступлении французы будут со всех сторон окружены и уничтожены. Из других заявлений канцлера, сделанных им при этом случае, следует упомянуть еще о том, что «маленькие черномазые саксонцы с умными лицами» очень ему понравились во время визита, который он им сделал день назад. Он разумел темно-зеленых стрелков и 108-й полк, носивший мундир того же цвета. «Они показались мне проворными, ловкими людьми, – прибавил он, – надо бы об этом замолвить в печати».

В следующую ночь я несколько раз просыпался от мерного шага проходившей мимо пехоты и стука и грома тяжелых колес по неровной мостовой. Это были гессенцы. Министр отправился вскоре после четырех часов утра к Мецу, где не сегодня-завтра ожидалась решительная битва. Таким образом, мне было мало дела или, вернее, совсем было нечего делать, и я воспользовался случаем, чтобы вместе с Виллишем совершить прогулку по окрестностям города. Сначала мы пошли вверх по реке через понтонный мост саксонцев, которые здесь на лугу, на левом берегу, устроили большой обозный парк; в этом последнем находились между прочим повозки из поддрезденских деревень. Мы два раза переплыли через прозрачную, глубоководную реку, окаймленную с обеих сторон лугами. Затем мы посетили церковь на ее правом берегу, где между прочим видели чрезвычайно красивый гроб Спасителя с изображениями спящих стражей. Особенно художественно исполнены поза и выражение лиц этих последних. Эти фигуры принадлежат к произведениям, составляющим переход от эпохи Средних веков к эпохе Возрождения.

Возвратясь в бюро, мы увидели, что работы еще нет. Поэтому мы решили опять предпринять прогулку и отправились с Янзеном и Виллишем на вершину Муссона с целью посмотреть на тамошние развалины. Крутая тропинка вела вверх через виноградники, которые покрывали склон конусообразной горы, обращенной к реке и городу. С развалин замка, настолько обширных, что в них приютилась довольно значительная деревня, можно было насладиться далеким и прекрасным видом на долину реки и ее холмы. Большая часть последних была усажена виноградными лозами; внизу в зеленой раме извивался голубой Мозель, направо и налево в долине и на горах виднелись деревушки и виллы. На белых дорогах внизу, точно колонны муравьев, шли войска, блестя касками и ружейными стволами. Позади них поднималось густое облако пыли. По временам раздавались сигналы и гремели барабаны. Около нас все было безмолвно и пустынно. Даже ветер, дувший здесь на горе, вероятно, очень чувствительно задерживал свое дыхание.

Мы отправились снова вниз, в суматоху войны, в наш домик, но лишь затем, чтобы услышать, что министра еще нет. Зато пришло известие о битве, происходившей вчера к востоку от Меца. Мы узнали, что с нашей стороны были сильные потери и что вылазка Базена, под

начальством которого находились запертые в крепости французы, была отражена с большими усилиями. Говорили, что главным пунктом сражения была деревня Марс-ла-Тур. Пули Шаспо сыпались буквально как град. Один кирасирский полк – так рассказывали тогда не без обыкновенного в подобных случаях гиперболизма – был почти истреблен, гвардейские драгуны также сильно пострадали; не было дивизии, в которой бы не насчитывали нескольких рот, понесших очень чувствительные потери. Тем не менее сегодня, когда на нашей стороне был перевес, как вчера на стороне французов, можно было ожидать победы, если последние попытаются снова сделать вылазку.

Но впрочем – так казалось – вряд ли о чем-нибудь можно было говорить утвердительно. Вследствие этого беспокоились, не находили места, мысли быстро сменялись одна другою; некоторые из них, однако, точно в лихорадке, снова возвращались. Мы пошли на рынок через мост, где наконец встретили легкораненых, ковылявших пешком, а тяжелораненых – ехавших в экипаже. Выйдя на шоссе, ведущее к Мецу, мы наткнулись на партию, состоявшую из 120 пленных. Это были слабосильные маленькие люди; между ними, однако, попадались и рослые, широкоплечие парни, гвардейцы, которых можно было узнать по белым петличкам на груди. Снова отправились мы на рынок, потом в сад, лежавший за бюро, где влево от угла, недалеко от дома, была «погребена собака» – собака некоего г. Обера, вероятно, нашего домохозяина, который поставил покойнице каменный памятник, снабдив его следующей трогательною надписью:

Gerard Aubert epitaphe a sa chienne.

Ici tu gis, ma vieille amie,
Tu n'es donc plus pour mes vieux jours.
O toi, ma Diane cherie,
Je te pleurerai toujours.

Наконец около шести часов возвратился канцлер. Большой битвы сегодня не было, но, по всей вероятности, завтра что-нибудь начнется снова. Шеф рассказывал за обедом, что он навестил своего сына, графа Герберта, раненного во время генеральной кавалерийской атаки при Марс-ла-Туре ружейной пулей в бедро; он отправлен в Мариавильский полевой лазарет. Министр нашел его наконец на одном дворе, на холме, на котором лежало еще довольно значительное число раненых. Заботу о них принял на себя старший врач, не сумевший достать воды и не хотевший воспользоваться для своих больных из деликатности особого рода цыплятами и курами, бегавшими по двору. «Он говорил, что не имеет права, – продолжал свой рассказ министр. – Увещевания добрыми словами, которые были сделаны, нисколько не помогли. Тогда я пригрозил убить всех кур из револьвера. Потом дал ему 20 франков, чтобы он купил 15 штук. Наконец, я напомнил ему, что я ведь прусский генерал, и просто приказал ему – тогда он послушался. Но за водой я был принужден идти сам и велел привезти ее в бочках».

Между тем в город приехал американский генерал Шеридан. Он приехал из Чикаго, поселился на рыночной площади в «Croix blanche» и просил об аудиенции у нашего канцлера. Я отправился по желанию графа к нему и сказал, что канцлер ждет его вечером. Генерал был маленький коренастый господин лет 45, с темными усами и клинообразной бородой. Его сопровождали адъютант Форсайт и переводчик – журналист Мак-Лин, бывший военным корреспондентом «New York World».

Ночью мы снова слышали, как проходили войска. Впоследствии мы узнали, что это были саксонцы.

На другое утро мне сказали в бюро, что король и министр уже уехали в три часа. Вероятно, на поле сражения уже происходила битва, и казалось, что наступала решительная минута. Понятно, что наше возбуждение достигло максимума. Полные тревожного нетерпения и желая

обстоятельно узнать, в чем дело, мы отправились пешком по направлению к Мецу и отделились от Понт-а-Муссона на 4 километра; при этом мы выносили и моральную пытку – пытку неизвестности, и телесную – мы страдали от страшной духоты, так как воздух был буквально раскален солнцем. По дороге мы встречали легкораненых, шедших к городу по одному, вдвоем и целыми партиями. Многие несли еще свои ружья, другие опирались на палку, кто-то завернулся в ярко-красную шинель французского кавалериста. Они бились третьего дня при Марс-ла-Туре и Горзе. О сегодняшней битве они сообщили лишь неопределенные слухи, хорошие и дурные, которые затем стали повторять в городе в преувеличенном виде. Наконец хорошие вести взяли перевес. Но положительного еще ничего не было. Мы пообедали без нашего шефа, которого мы напрасно прождали до полуночи. Под конец мы, однако, услышали, что он с Шериданом и графом Бисмарком-Боленом у короля, в Резонвилле.

В пятницу, 19-го августа, Абекен, Кейделль, Гацфельд и я отправились на поле битвы в полной уверенности, что немцы победили. Дорога вилась сначала между итальянскими тополями по веселой долине Мозеля. Вправо блистала река, влево виднелись виноградники, горы, виллы, красивые деревни, развалины замков. Мы проехали Вандьер, Арнавиль и Нован. Затем мы повернули в сторону и поднялись к Горзу, городку, расположенному в виде длинной, узкой улицы по косогору этого берега. Советники здесь вышли, чтобы сесть на лошадей. Я и наш преданный канцелярист Тейсс напрасно старались пробраться к нашему экипажу; это оказалось невозможным; повозки заграждали путь. С нашей стороны ехали телеги с сеном, соломой, дровами и багажом, с другой – фургоны всевозможного рода с эвакуируемыми ранеными и боевыми припасами; скоро нас совершенно сдавили. Почти на всех домах развевались женовские флаги, обозначавшие лазареты, и почти во всех окнах виднелись люди с обмотанными холстом головами или с руками на перевязи.

После часового ожидания можно было наконец проехать, и мы медленно двинулись вперед и очутились на плоскогорье, в стороне от городка. В небольшой роще нас застигла сильная гроза, сопровождавшаяся ливнем; затем мы выбрались на широкую равнину, прорезанную тропинками, усаженными немецкими тополями. Вдали, направо, можно было заметить несколько деревень, а за ними холмы и уступы, покрытые лиственным лесом.

Недалеко от Горза, вправо, идет отлогая дорога, которая привела бы нас в добрые полчаса в Резонвилль, где я встретил бы министра и наших всадников. Но моя карта не давала мне нужных указаний насчет положения окрестных деревень. Опасаясь, чтобы по этой дороге не подойти слишком близко к Мецу, я велел опять выехать на шоссе. Сначала мы наткнулись на одиноко стоящую мызу, где дом, сеновал и конюшня были наполнены ранеными, затем в деревню Марс-ла-Тур.

Уже сейчас за Горзом мы заметили следы стычек, ямы, вырытые пулями, отбитые ветки и сучья, убитых лошадей. Лошади потом стали попадаться чаще: по две, по три, раз мы насчитали восемь таких трупов. Они страшно распухли, их ноги были вытянуты кверху, головы же лежали на земле. Около Марс-ла-Тура находился лагерь саксонцев. По-видимому, деревня мало пострадала от боя 16-го числа; только один дом был сожжен. Я спросил у одного уланского лейтенанта, где Резонвилль. Он не знал. Где король? «В расстоянии двух часов отсюда, – был ответ. – Вон там!» При этом офицер указал на восток. Крестьянка, к которой мы обратились с просьбой описать нам положение Резонвилля, сделала такое же указание, и мы двинулись в путь. Скоро мы приехали в деревню Вионвилль. Не доезжая до нее, я увидел на краю шоссе канавы первого убитого – прусского мушкетера. Лицо его было черно, как у тюркоса, и страшно распухло. В деревне все дома были переполнены тяжелоранеными, по улице озабоченно сновали немецкие и французские фельдшера и санитары со своими женовскими крестами.

Я решил ожидать министра и советников здесь, так как полагал, что они во всяком случае проедут через эту деревню. Окольной тропинкой влево от дороги, в канаве которой из-

под кучи окровавленных лохмотьев выглядывала отрезанная человеческая нога, отправился я на поле битвы. В 400 шагах от деревни я набрел на две параллельно вырытые ямы около 300 футов длины, не особенно широких и глубоких, над которыми еще работали и около которых были сложены большие кучи убитых французов и немцев. Некоторые были полураздеты, большинство в мундирах, все серовато-черного цвета и ужасно распухшие. Было около 250 трупов, сложенных здесь, и все еще прибывали партии новых. Многие, без сомнения, были уже погребены. Далее к Мецу поле битвы повышается, и здесь-то кажется пало особенно много народа. Везде валялись французские кепи, каски, ранцы, оружие и мундиры, белье, сапоги и клочки бумаг. Между окопами на картофельных полях лежали отдельные убитые – ничком или на спине; одному оторвало всю левую ногу, от пятки до колена, другому полголовы, некоторые трупы протягивали неподвижно правую руку к небу. Там и сям виднелись одинокие могилы, которые можно было узнать по крестику, сделанному из дерева сигарочного ящика и связанному веревочкой, или по ружью Шасспо, вбитому в землю штыком. Трупный запах был очень чувствителен, иногда же, если ветер дул с той стороны, где лежала группа лошадиных трупов, становился почти невыносим.

Пора было вернуться к экипажу, я вдоволь насмотрелся на поле сражения. Я пошел по другой дороге, но и здесь мне надо было проходить опять мимо кучи убитых, на этот раз все красноштанников; везде валялись также клочья одежды, рубашки, сапоги, бумаги и письма, служебники и молитвенники. Около некоторых павших лежали целые пачки писем, которые они принесли с собою в ранцах. Я взял несколько на память; между ними были немецкие от какой-то Анастасии Штампф из Шеррвейлера, близ Шлеттштадта, найденные мною возле одного французского солдата, который стоял перед началом войны в Кане. Одно было помечено 26-м июля 1870 года и заключалось словами: «Поручаем тебя заступничеству Девы Марии».

Когда я вернулся опять к экипажу, то министра еще не было, хотя уже пробило четыре часа. Поэтому мы вернулись по ближайшей дороге в Горз, причем я убедился, что мы сделали острый угол, вместо того чтобы выбрать ближайшую дорогу. Здесь мы встретили Кейделля, которому я рассказал наши недоразумения и наше несчастное блуждание. Он был с Абекеном и графом Гацфельдом у шефа в Резонвилле. Как мы узнали впоследствии, канцлер некоторое время находился в опасности во время битвы 18-го числа, которая решила дело при Гравелоте; он с королем зашел слишком вперед. Потом он собственноручно утолял жажду тяжело раненных. В девять часов вечера он прибыл невредимо в Понт-а-Муссон, где мы все вместе с ним ужинали. Разговор за столом шел, конечно, главным образом о двух последних битвах, и о военной добыче, и потере, которую они причинили. Французы оставили на месте множество людей. Министр видел при Гравелоте, как их гвардия лежала целыми рядами. Но и наши потери были, по его словам, велики. В известность приведено лишь количество павших к 16-го августа. «Множество прусских семейств должны будут наложить на себя траур, – заметил шеф. – Весделен и Рейс лежат в могиле, Ведель убит, Финкенштейн убит, Раден (муж Лукки) прострелен в обе щеки, множество полковых и батальонных командиров пало или тяжело ранено. Все поле при Марс-ла-Туре казалось вчера белым и голубым от павших кирасиров и драгун». При этой деревне, как объяснил потом канцлер, происходила кавалерийская атака на французов, прорывавшихся к Вердену, которая была отражена неприятельской пехотой побалаклавски, но которая все-таки была полезна тем, что задерживала неприятеля до тех пор, пока не подошло подкрепление. Сыновья канцлера храбро ринулись вместе с другими под град пуль, и старший из них получил три раны: одну в грудь, другую в часы, а третью в бедро. Младший, кажется, успел избежать опасности, и шеф рассказывал, видимо, с некоторой гордостью, что гр. Билль при отступлении мощными руками схватил одного своего товарища, раненного в ногу, и вез с собой на лошади верхом, пока не очутился вне выстрелов. 18-го числа немецкая кровь лилась еще сильнее, но немцы удержали победу за собой и достигли цели этого обиль-

ного жертвами боя. Вечером армия Базена окончательно была отброшена в Мец, и пленные офицеры сами сознались министру, что теперь дело их погибло. Саксонцы, сделавшие в предыдущие дни очень сильные переходы и наконец принужденные вступить в бой при деревне Сен-Прива, стояли на дороге в Тионвилль. Мец окончательно окружен нашими войсками.

По-видимому, канцлер не был доволен некоторыми военными мерами во время обеих битв. Между прочим, он сказал о Штейнмеце, что «он злоупотребляет удивительным мужеством наших войск. Расточитель крови». С сильным негодованием говорил он также о варварском способе ведения войны французами, стрелявшими по женеvскому флагу и даже по одному парламентарю.

С Шериданом министр сразу поставил себя на хорошую ногу; я должен был пригласить на следующий вечер к обеду этого генерала и его обоих спутников.

20-го числа прибыл к нам г. фон Кильветтер, будущий гражданский комиссар или префект Эльзаса или Лотарингии. В 11 часов наследный принц, стоявший со своими войсками в пяти или шести милях от Понт-а-Муссона, на дороге от Нанси к Шалону, сделал визит канцлеру. Днем по улице Нотр-Дам проехал поезд с пленными в числе около 1200, между прочим 2 экипажа с офицерами; поезд охраняли прусские кирасиры. Вечером с нами обедали Шеридан, Форсайт и Мак-Лин. Гости шефа, разговаривавшего очень оживленно с американским генералом, пили шампанское и портер; последний – из вышеупомянутых металлических чашек. Бисмарк спросил меня: «Г. доктор, вы пьете портер?», потом налил и передал мне напиток. Я упоминаю об этом, потому что, кроме министра и американца, на этот раз никто не получил портера и потому что любезность эта была очень приятна для меня; начиная с Саарбрюкена у нас не было пива, хотя шампанского, всякого вина и коньяку было сколько угодно. Генерал, известный счастливый предводитель унионистов в последние годы междоусобной войны, говорил довольно много. Он рассказывал о трудностях переезда из территории Скалистых гор до Чикаго, об ужасных комариных полчищах, о большом количестве скелетов в Калифорнии или близ нее, об ископаемых животных, которые, если только я его верно понял, были будто бы сначала рыбами, а затем сделались ящерицами, об охотах на буйволов и медведей и т. п.

Канцлер также рассказал одно свое охотничье похождение. Однажды в Финляндии ему угрожала довольно значительная опасность от большого медведя, которого он не мог хорошенько разглядеть, так как медведь весь был покрыт снегом. «Я наконец выстрелил, – продолжал он свой рассказ, – и медведь упал передо мною за шесть шагов; он не был еще мертв и мог снова встать. Я знал, что мне предстояло и что я должен был делать. Я не тронулся с места, опять зарядил ружье, и в ту минуту, как он хотел снова подняться, я положил его на месте».

Утром 21-го мы прилежно работали для почты и телеграфа и отправляли различные известия и объяснительные статьи в Германию. Парламентар, по которому стреляли французы, когда он подходил к ним с белым флагом, был, как передавали, капитан или майор Верди из генерального штаба Мольтке; сопровождавший его барабанщик был при этом ранен. Из Флоренции было получено верное известие, что Виктор-Эммануил и его министры решились вследствие наших побед сохранить нейтралитет, что отнюдь не было известно до сих пор. Наконец можно было по крайней мере приблизительно вычислить потери, понесенные французами 14-го числа при Курселе, 16-го при Марс-ла-Туре и 18-го при Гравелоте. Министр оценивал их за все три дня в 38 000 человек ранеными и пленными и 12 000 убитыми и прибавил к этому: «В усердии некоторых наших полководцев лежит причина, что мы также потеряли много людей».

Днем я разговаривал с одним гвардейским драгуном, атаковавшим 16-го числа французскую батарею. Он сказал мне, что, кроме Финкенштейна и Рейса, убиты и погребены оба Тресковы и что из двух эскадронов его полка, бывших в огне, образовался теперь только один, то же самое и из 1-го и 2-го драгунских полков. Впрочем, он выражался очень скромно об этом подвиге. «Мы должны были, – сказал он, – двинуться вперед, ради того чтобы неприятель не захватил нашу артиллерию». Во время нашего разговора снова провели через городок около

полтора часа пленных под конвоем саксонской пехоты. Я узнал от конвойных, что саксонцы после продолжительного перехода дрались также при Ронкуре и Сент-Прива, даже раз дошло дело до рукопашного боя, и многие офицеры, и между ними генерал Краусгар пали.

Вечером, за чаем, шеф спросил меня, когда я вошел в комнату:

– Как ваше здоровье, господин доктор?

Я ответил:

– Благодарю вас, ваше превосходительство.

– Видели ли вы что-нибудь?

– Да, поле сражения при Вионвиле, ваше превосходительство.

– Жаль, что вас не было с нами 18-го числа.

Затем он подробно рассказал, что с ним в этот день случилось, в последние часы битвы и в следующую ночь. Я приведу этот рассказ, дополненный позднейшими вставками министра, в одной из следующих глав... После этого речь зашла о генерале Штейнмеце, о котором канцлер сказал, что он храбр, но своеволен и чрезмерно тщеславен. В рейхстаге он старается быть вблизи президентского кресла и встает, чтобы быть заметнее. Он кокетничает тем, что за всем прилежно следит и делает заметки на бумаге. «Он думает при этом, что газеты заметят это и похвалят его рвение. Если я не ошибаюсь, надежды его сбылись». Министр ничуть не ошибался.

Дамы, жившие в нашем доме (я говорю о том, в котором был этнографический кабинет), не были застенчивы, скорее наоборот. Они разговаривали с нами, насколько мы знали, по-французски и вели себя очень развязно.

Понедельник, 22-го августа. Я записал в своем дневнике:

«Рано поутру пошел с Вилишем купаться – до выхода министра. В половине одиннадцатого меня позвали к нему. Он спросил сначала о моем здоровье и не было ли со мною припадков дизентерии. Он дурно себя чувствовал в прошедшую ночь. Граф и дизентерия? Да хранит Господь его от этого! Это было бы хуже потерянного сражения. Все наши дела пришли бы в расстройство...»

Нет более никакого сомнения, что мы в случае окончательного поражения Франции удержим за собою Эльзас и Мец с его окрестностями, и вот последовательный ход мысли, приведший канцлера к этому заключению.

Контрибуция, как бы она ни была велика, не может покрыть принесенные нами жертвы. Мы должны сильнее защищать южную Германию при ее открытом положении от нападения французов, мы должны положить конец давлению, производимому на нее Францией в продолжение двух столетий, в особенности потому, что это давление вообще постоянно вредило положению дел в Германии за все это время. Бадену, Вюртембергу и другим юго-западным местностям не должен на будущее время угрожать Страсбург, и они не могут более подвергаться нападению во всякое время. То же самое следует сказать о Баварии. В продолжение 250 лет французы предпринимали несколько походов с завоевательными целями против юго-западной Германии. В 1814 и 1815 гг. старались найти гарантию против повторения подобных нарушений мира и действовали мягкими мерами. Но эта мягкость не привела ни к чему. Опасность лежит в неизлечимом высокомерии и властолюбии, присущим характеру французского народа, – качества, которыми каждый монарх – не только Бонапарт – всегда будет злоупотреблять для нападений на мирных соседей. Наша защита против подобного зла лежит не в бесплодных попытках временно ослаблять обидчивость французов, но в приобретении хорошо защищенных границ. Франция постоянным присвоением себе немецких земель и всех укрепленных самою природою пунктов на нашей западной границе приобрела себе такое положение, что со сравнительно незначительной армией может проникнуть в сердце южной Германии, прежде чем с севера подадут ей помощь. Со времен Людовика XIV, при нем и его наследнике, при республике, при первой империи очень часто повторялись подобные вторжения, и чув-

ство беззащитности заставляет немецкие государства постоянно с тревогой следить за Францией. Нельзя принимать в расчет, что отнятием одного клочка земли возбудится у французов чувство горечи. Эта горечь существовала бы и без территориальной уступки. Австрия в 1866 году не заплатила ни одной пядью земли, а получили ли мы за это какую-нибудь благодарность? Уже наша победа при Кениггреце преисполнила французов недоброжелательством к нам, ненавистью, сильной досадой на нас; тем чувствительнее должны подействовать на них наши победы при Верте и Меце! Месть гордого народа за подобные поражения будет лозунгом в Париже и в влиятельных провинциальных кружках, даже помимо территориальных потерь, подобно тому, как десятки лет мечтали там о мести за Ватерлоо. Враг, которого после его поражения нельзя сделать другом посредством предупредительного обращения с ним, должен быть сделан безвредным и на долгое время. Только уступка восточных крепостей, а не их срытие может послужить нам к этому. Кто хочет обезоружения, тот должен прежде всего желать, чтобы соседи французов согласились на подобную меру, так как Франция – единственная нарушительница мира в Европе и будет оставаться таковою до тех пор, пока может, пока в силах».

«Достоин удивления, как плавно теперь уже льются из-под пера подобные мысли шефа. Что за десять дней казалось чудом, то теперь кажется совершенно понятным и естественным».

За обедом говорили о неслыханном, если не сказать более, о гнусном способе ведения войны французами, и министр сказал, что при Марс-ла-Туре они убили одного нашего раненого офицера, полагать надо Финкенштейна, который сидел при дороге на камне. Одни думали, что его застрелили, а другие рассказывали, и это должно быть вернее, что доктор, осматривая труп, утверждал, что упомянутый офицер был проколот шпагой. К этому министр присовокупил, что если бы возможно было выбирать, то он скорее согласился бы быть застреленным, но не проколотым. Он жаловался на то, что Абекен беспокоил его всю ночь, не давал спать и надоедал криком, хождением взад и вперед, хлопаньем дверей. «Он воображает, что симпатизирует с своими двоюродными братьями». Тут подразумевались графы Иорк, с которыми наш советник породнился, вступив недавно в брак с девицею фон Ольферс, и с тех пор каждому старается намекнуть на это родство, заканчивая свою речь словами: «Мой двоюродный брат Иорк». Один из двух Иорков ранен при Марс-ла-Туре или Гравелоте, и старик в прошедшую ночь поехал к нему.

По всей вероятности, он дорогою в порыве высоких чувств, которые он в себе тщательно воспитывал, декламировал за спиною кучера что-нибудь беспредельное, прочувствованное – из Гете или Оссиана и даже из греческих трагиков.

Граф Герберт перевезен сегодня или вчера из военного лазарета к своему отцу. В комнате устроили ему на полу постель. Я видел его и говорил с ним сегодня. Рана его очень болезненна, но до сих пор, кажется, не опасна. На этих днях он должен отправиться в Германию, где останется до выздоровления.

Глава III

Коммерси. – Бар-ле-Дюк. – Клермон-ан-Арагон

Вторник, 23-го августа. Мы должны были продолжать наш путь на восток. Шеридан и его люди должны были следовать за нами. Президент правления фон Кюльветтер остался здесь на некоторое время и, кажется, назначен префектом. Равное назначение получили граф Ренар, мужчина богатырского роста и с соответственной бородой, – в Нанси, а граф Генкель – в Сааргемюнд. Мы встретились опять с государственным курьером Бамбергером. Г. Стибер также вынырнул раз из-за угла дома в улице Рограф. Наконец, осматривая внутреннюю часть города перед нашим отъездом, с тем чтобы вид его запечатлелся у меня в памяти, я встретил Мольтке, которого видел за 8 или за 10 дней до объявления войны в министерстве иностранных

дел, когда он входил с военным министром на лестницу в квартиру шефа. Мне показалось, что выражение его лица было сегодня покойно и весело.

Возвратясь в бюро, я нашел интересное донесение о том, в каком виде недавно Тьер описал будущность Франции. Он точно определил, что в случае победы мы возьмем Эльзас, что Наполеон после потери сражения переживет также и потерю трона и что за ним, вероятно, настанет на несколько месяцев республика, а там воцарится кто-нибудь из Орлеанов, может быть, и Леопольд из Бельгии, который очень честолюбив...

В 10 часов мы отправились в Понт-а-Муссон. Прекрасная погода предшествовавших дней изменилась. С утра до полудня небо было покрыто густыми тучами и наконец полил дождь. На этот раз я сел в карету с секретарями, в которой также перевозились портфели министерства иностранных дел. Дорога шла сначала через Мэдьер, потом по долине Мозеля на Монтобан, Лишэ и Бомон. После 12 часов погода стала ясная, и мы увидели перед собою расположенную на холме деревню, внизу которой простиралась волнообразная местность. Изредка проезжали лесом. Деревни составляли везде замкнутые улицы, дом около дома, так же, как в городах. Во многих деревнях видны были постройки, предназначенные для школ, и несколько еще красивых зданий, в других – старинные церкви в готическом вкусе. По ту сторону Жиронвиля шоссе подымается на крутую гору, с которой открывается великолепный вид на равнину, лежащую внизу. Здесь мы вышли из экипажей, чтобы облегчить лошадей. Шеф, который с Абекеном был во главе нашего поезда, вышел также и с четверть часа шел в своих сапогах с раструбами, по своей старинной форме напоминавших сапоги, которые рисуют на картинах времен Тридцатилетней войны. Около него шагал Мольтке; величайший знаток военного искусства шел по большой дороге на Париж рядом с величайшим в наше время государственным человеком; и я утверждаю, что ни один из них не видел в этом ничего особенного.

Когда мы опять сели в экипажи, то направо от дороги увидели, как проводили телеграф наши ловкие солдаты. Вскоре спустились мы в долину верхнего Мааса, и через 2 часа были уже в красивом городе Коммерси, к которому с одной стороны примыкает густой лес. Жителей в нем приблизительно около 6000 человек. Река здесь узка и болотиста. На берегу стоит старинный замок с большими колоннами. Белые шторы в богатых домах были почти все спущены, точно владельцы этих домов не хотели видеть презренных пруссаков. Напротив того, народ в синих блузах казался более любопытным и менее враждебным. Часто попадалась в глаза вывеска на дверях: «Fabrique de Madelaines». Тут продают бисквиты, формой похожие на маленькие дыни, которые славятся во всей Франции, почему мы и не упустили из виду отправить домой 2 ящика этого печенья.

Шефу с Абекеном и Кейделлем была отведена квартира на rue des Fontaines, в доме графини Макор-де-Гокур, в котором за несколько дней жил князь или принц Шварцбургский, а теперь оставалась только хозяйка дома. Супруг ее служил во французской армии. Он был очень знатный господин, так как происходил от старинных герцогов Лотарингии. Около его дома был хорошенький цветник, а за домом тянулся большой тенистый парк. Моя квартира была недалеко от квартиры министра, на улице Heurtebise, в первом этаже, в доме, принадлежащем г. Жилью, где я нашел прекрасную постель, а в нем доброго и услужливого хозяина. В первую прогулку по городу встретил я у одного дома адъютанта Шеридана. Он рассказал мне, что они выехали из Калифорнии в начале мая и с большими затруднениями доехали до Чикаго, оттуда в Лондон, потом в Берлин, потом, через 5 дней, приехали в Понт-а-Муссон. Он и генерал, который выглядывал из окна первого этажа, были теперь в мундирах. Позднее я пошел к канцлеру, которого застал в саду, и спросил, нет ли какого дела. После короткого размышления он нашел его. Через час полевая почта и новый телеграф стали работать.

Между прочим я написал следующую статейку:

«Теперь совершенно ясно, что принцы из фамилии Орлеанов с нетерпением ожидают падения звезды Наполеонидов. Ударяя на то, что они французы, они и предложили Франции

в настоящем кризисе свои услуги. За бездействие и явное равнодушие к делу государственного развития своего соседа фамилия Орлеанов утратила право на французский престол. Но она энергично желает завладеть им и укрепиться на нем, вступив на путь шовинизма и взяв себе за правило потворствовать славолобию французов. Наше дело далеко еще не окончено. Решительная победа вероятна, но не несомненна. Падение Наполеона близко, но еще не последовало. Должны ли мы, если оно действительно последует, ввиду вышеизложенного удовольствоваться таким результатом наших неимоверных усилий, – смеем ли думать, что мы этим достигли того, что должно составлять нашу высшую цель, – прочного и долговременного мира с Францией? Никто этого не скажет. Мир с возвратившимися на французский престол Орлеанами, без сомнения, будет только более наружным миром, чем мир с Наполеоном. Рано или поздно Франция опять бросит нам вызов, но Франция, еще лучше вооруженная и запасаяся могущественными союзниками».

В Германии должны были быть сформированы 3 резервные армии. Одна из них и самая сильная – в Берлине, другая – на Рейне, а третья, вследствие подозрительного поведения Австрии, – около Глогау в Силезии. Это была только предохранительная мера. Войсками на Рейне назначен был командовать великий герцог Мекленбургский, в Берлине – генерал фон Канштейн, а в Силезии – генерал фон Левенфельд.

Вечером перед домом короля, который еще в войну за освобождение квартировал в Коммерси, играла военная музыка, и уличные мальчишки совершенно добродушно держали солдатам ноты.

За обедом, за которым между прочими напитками нам было подано превосходное белое бордоское вино, присутствовали в качестве гостей шефа граф Вальдерзее, Лендорф и генерал-лейтенант фон Альфенслебен (из Магдебурга). Канцлер рассказывал, не помню уже в какой последовательности, об одном майоре, который все события имеет обыкновение считать следствием геогностических причин. «Он рассуждает приблизительно так, говорил он: Орлеанская дева должна была родиться только на плодородной, рыхлой почве, одержать победу на глинистой почве, а умереть на песчанике».

Альфенслебен уверял, когда речь зашла о варварском ведении войны французами, что они стреляли в парламентаря в то время, когда к нему подходил другой офицер для миролюбивых переговоров. Был поднят вопрос о бомбардировании Парижа, и военные одобриительно отнеслись к этому. Генерал сказал: «Каждый большой город, такой как Париж, атакованный многочисленной армией, долго защищаться не может». Один из гостей выразил желание, чтобы Париж постигла участь Вавилона; мне это в глубине души очень не понравилось. Министр возразил: «Да, это было бы справедливо, но есть много обстоятельств, в силу которых мы должны будем пощадить Париж, хотя бы уже, например, потому, что немцы, финансисты Кёльна и Франкфурта, владеют в нем значительными капиталами».

Потом говорили о завоеванной и подлежащей еще завоеванию Франции. Альфенслебен хотел, чтобы Германии была уступлена полоса земли до Марны. У нашего графа было другое желание, но на исполнение его он не рассчитывал. «Мой идеал, – сказал он, – состоит в том, чтобы устроить нечто вроде немецкой колонии, нейтральное государство с 8 или 10 миллионами жителей, где бы не существовало конскрипции и которое платило бы дань Германии до тех пор, пока эти деньги не понадобятся бы для самой страны. Франция лишилась бы, таким образом, провинций, поставляющих ей самых лучших солдат, и стала бы безвредна. В ней не было бы тогда ни Бурбонов, ни Орлеанов, и весьма сомнительно, уцелел ли бы Лулу или кто-нибудь из Бонапартов. Во время люксембургской истории я не хотел никакой войны, я знал, что их будет шесть. Но теперь надо положить конец. Впрочем, не будем говорить о шкуре медведя, пока он еще не убит. Признаюсь, я в этом отношении суеверен». «Да, но медведь уже ранен», – добавил граф Вальдерзее.

Канцлер вспомнил затем о своих сыновьях и сказал: «Надеюсь, что из моих молодцев мне останется хоть один – Герберт, который теперь возвращается на родину. Впрочем, он привык к походной жизни. Когда он, раненый, лежал у нас в Понт-а-Муссоне и его навещали простые драгуны, он обращался с ними лучше, чем с офицерами».

За чаем говорили, что в 1814 году король жил на той же улице, что и теперь, и даже чуть ли не в том доме, который стоит рядом с его нынешней квартирой. Министр сказал: «Мой дальнейший план кампании состоит в том, чтобы обеспечить безопасность особы его величества. Для этого местность по обеим сторонам дороги должна быть тщательно осматриваема, и на известном расстоянии друг от друга должны стоять караульные. Король одобрил эти меры, после того как я ему сказал, что то же самое было и в 1814 году. Монархи ехали тогда верхами, и по дороге на расстоянии двадцати шагов друг от друга были расставлены русские солдаты». Кто-то заметил, что, пожалуй, крестьяне или вольные стрелки будут стрелять в экипаж короля.

На следующее утро Жильё повел меня во дворец, в котором жил в прошлом столетии тесть Людовика XV Станислав Лещинский в качестве лотарингского герцога. В этом дворце в последние годы стояли кирасиры. Из задних окон открывался очень красивый вид на протекающий внизу Маас и на группы деревьев, расположенных по ту сторону этой реки. Мы осмотрели также капеллу и дворцовую фабрику, которая скорее может назваться мастерской или даже чуланом. Во дворце Лещинского наши солдаты наделали много беспорядков. По словам провожавшего меня кистера, это были гусары. Они отбили носы у некоторых святых статуй, сломали один мраморный барельеф, разбили вдребезги паникадило, раскидали священные книги и архив и прокололи шпагой написанную масляными красками старинную картину. Может быть, они сделали это в темноте, нечаянно. Оба француза сильно негодовали на них, и вряд ли я их успокоил, сказав, что у нас такое бесчинство не в обычае. Впрочем, попадались люди, не выказывавшие такого озлобления, в особенности мой добрый хозяин, который не раз уверял меня, что видит во мне не врага, а гостя. Он принадлежал к многочисленному во Франции классу ремесленников, которые, скопив себе путем упорного труда, небольшие средства, лет в пятьдесят прекращают свои занятия и покойно доживают свой век, ухаживая за маленьким цветником или фруктовым садиком и проводя время в кофейной за чтением газет или болтая с друзьями и соседями. Г. Жильё имел двух сыновей, из которых один жил в Кохинхине, а другой был священником где-то во Франции. Когда разговор зашел о том, что и духовные лица призываются теперь к отбыванию воинской повинности, то он выразил надежду, что сын его будет назначен только в канцелярию, так как он совсем не знаком с военной службой.

В 12 часов мы выехали из Коммерси. Дорога шла сначала через прекрасный лиственный лес, состоявший между прочим и из кустарника и изобиловавший плющом и всевозможными ползучими и вьющимися растениями, что все вместе образовывало почти непроходимую чащу, в которой превосходно могли скрываться вольные стрелки; потом перед нами развернулась открытая местность. Почва, кажется, здесь недостаточно плодородна, потому что зерновой хлеб, попадавшийся нам на глаза, например овес, был очень плох. Дорогою мы несколько раз нагоняли колонны войск и проезжали мимо лагерей. Меры предосторожности, о которых за день перед тем говорил шеф, были приняты. Впереди нас был авангард, возле нас – телохранители, которые резко отличались от армейских полков, от белых, красных и синих гусар, саксонских и прусских драгунов и от всех прочих. Карета канцлера следовала тотчас за каретой короля. Долго не попадалась нам ни одна деревня. Потом мы проехали мимо Сент-Обена, и вслед за тем выбрались на шоссе, и очутились возле милевого камня, на котором значилось: «Париж 241 километр».

Итак, мы были только в 32 милях от Вавилона! Далее мы обогнали большой баварский обоз, который принадлежал полкам короля Иоанна Саксонского, великого герцога Гессенского, фон дер Танна, принца Отто и многим другим. Из этого мы могли заключить, что находимся в округе наследного принца.

Вскоре мы въехали в маленький городок Линьи, переполненный саксонскими и другими полками. Мы простояли три четверти часа на площади, загражденной разными повозками, в ожидании шефа, который пошел навестить замедлившего здесь наследного принца. Выбравшись наконец из этого хаоса, мы скоро доехали по прекрасной зеленой долине до города Барледюка. Дорогою мы опять встретили светло-голубых баварских пехотинцев.

Барледюк – самый большой город во Франции, который нам удалось видеть до сих пор во время нашего похода. Приблизительно в нем 15 000 жителей. Он стоит на мелкой тинистой реке Орнэне, через которую перекинута несколько мостов. Местоположение его очень живописно. На улицах и площадях, когда мы проезжали, заметно было большое оживление, и из окон выглядывало много любопытных женских лиц. Странствующие баварские музыканты встретили короля гимном: «*Heil dir im Siegerkranz*». Он занял квартиру на главной улице в доме французского банка. Канцлеру и нам было отведено помещение наискосок в доме некоего Пернэ. В нижнем этаже направо была устроена походная канцелярия, в комнате налево – столовая. Шеф занял второй этаж, Абекен – комнату с окнами на двор, где был хорошенький сад с кустами роз и где росли гранатовые и другие деревья, я поместился в покое, украшенном различными образами, портретами духовных лиц и другими предметами, имеющими отношение к церкви. Хозяин дома убежал, оставив вместо себя какую-то старуху.

За обедом присутствовал лейб-медик короля доктор Лауер. Министр, как и всегда, был общителен и в необыкновенно хорошем расположении духа. Между прочим, он рассказал, что у наследного принца в Линьи он очень вкусно позавтракал с разными князьями и высшими офицерами. «Аугсбургский был там в баварской форме, так что я его не узнал и очень сконфузился, когда он подошел ко мне».

Мы узнали от него, кроме того, что граф Гацфельд назначен временным префектом; он долго жил в Париже и хорошо изучил язык, обычаи и нравы французов. Приятно было также узнать, что главная квартира пробудет здесь еще несколько дней. «Как в Капуе», – сказал шеф смеясь.

Вечером опять было отправлено в Германию несколько статей; в одной из них так говорилось о саксонцах, отличившихся при Гравелоте: «18-го числа, в сражение при Меце, саксонцы выказали свойственную им чрезмерную храбрость и сделали все, чтобы слава этого дня принадлежала немцам. Намереваясь отправить саксонцев против неприятеля, их заставили в день битвы сделать предварительно трудный переход с правого на левое переднее крыло. Несмотря на эти трудности, эти храбрые войска с замечательной энергией бросились на французов и превосходно исполнили свой долг, который состоял в том, чтобы не дать неприятелю прорваться по направлению к Тионвиллю. Потери их в сражении превышают 2200 человек».

Для разнообразия я теперь опять сделаю несколько выписок из дневника.

Четверг, 25-го августа. Прежде чем сесть за занятия, я сделал прогулку по верхней и, кажется, древнейшей части города и осмотрел церковь, построенную во имя св. Петра, главный вход в которую богато отделан, и старинные дома времен Renaissance. Вид из замка на город очень недурен. Недостает только реки. Улицы верхнего города все идут круто в гору и большею частью узки и темны. В нижнем городе светлее. Тут много одноэтажных массивных домов, построенных из плитняка с окрашенными белою краскою ставнями. Все церкви – в новом стиле. Ставни в домах почти все открыты. Жители, к которым мы обращались с вопросами, отвечали вежливо. Недалеко от нашей квартиры протекает река, через которую построен каменный мост. Посреди моста находится маленькая башня, которая, без сомнения, помнит еще то время, когда Лотарингия и герцогство Бар не принадлежали Франции. Мы посетили вокзал железной дороги, комнаты и залы которого были опустошены, говорят, самими французами.

Около 9 часов вступили в город баварцы. Они шли по Банковской улице мимо квартиры короля и нашей. Французы заняли места по обеим сторонам тротуара, обсаженного дере-

вьями. Шли зеленые кирасиры с красно-розовыми воротниками и обшлагами, большею частью видные и статные люди, уланы, артиллерия и инфантерия, полк за полком в продолжение нескольких часов. Громкое «ура» проходивших мимо короля войск, причем всадники обнажали свои палаши, веющие знамена, звуки труб, барабанный бой, музыка, игравшая великолепно-марш, – все это поражало слух и зрение. Сначала выступал армейский корпус генерала Гартмана, а за ним фон дер Танна, который был потом приглашен к нам на завтрак. Кто бы 3 месяца назад считал это возможным непосредственно после войны 1866 года!

Я приготовил много бумаг на почту и для телеграфа. Наши идут быстро вперед. Передние колонны стоят уже между Шалоном и Эпернэ. В Германии оканчивается формирование 3-х резервных полков, о которых было говорено несколько дней назад. Нейтральные державы восстают против наших намерений – путем приобретения некоторых французских владений устроить себе выгодную границу на западе. В особенности восстает Англия, которая с давних пор недоброжелательно относится к нам. Известия, идущие из Петербурга, – благоприятнее; великая княгиня Елена Павловна, между прочим, принимает в нас милостивое и деятельное участие. Мы остаемся при своем намерении – оградить навсегда южногерманские владения от нападения Франции, и, таким образом, сделать Германию независимую от французской политики. Исполнение нашего намерения, без сомнения, энергично требует национальное чувство, которому трудно противостоят. Нам сообщают много возмутительного о бандах вольных стрелков. Их форма такова, что их едва можно признать за солдат, знаки же, которыми они несколько отличаются от крестьян, они легко могут спрятать. Такой паренёк, слыша, что приближаются немцы, ложится в ров около роши, точно греется на солнце, и, когда те отойдут на некоторое расстояние, стреляет в них, а сам тотчас бежит в лес, откуда через несколько времени выходит беззаботным блузником. Я убежден, что это не защитники отечества, а коварные убийцы, которых без всяких размышлений следовало бы вешать.

За обедом гостем нашим был граф Зекендорф, адъютант наследного принца. Между прочим, говорили об Аугустенбургере, который пошел с баварцами. (Суждения об этом человеке сходились отчасти с мнением, выраженным несколько месяцев позже в письме одного моего приятеля, бывшего тогда профессором в Кёльне. Он писал следующее: «Мы знаем все, что он не рожден для исполнения геройских подвигов. Он на них не способен. Но все-таки лучше было бы, если бы, вместо того чтобы быть полковым балагуром, он в качестве капитана или майора повел хоть роту или батальон солдат, по-моему – даже и баварских. Вероятно, путного из этого ничего бы не вышло, но по крайней мере было бы приятно видеть проявление доброго желания».)

Зекендорф опроверг носившийся слух, будто наследный принц расстреливал крестьян, которые вели себя изменнически по отношению к пруссакам. Напротив, он ко всем и везде относился очень милостиво и снисходительно – даже к негодным французским офицерам.

Граф Болен, всегда располагающий запасом остроумных и подходящих анекдотов, рассказал следующее: «18-го по одной батарее был открыт сильный огонь, так что в короткое время пали почти все лошади и множество солдат было убито и ранено; капитан, однако, не потерял присутствия духа и, отдавая приказания не многим уцелевшим храбрецам, бывшим под его командою, произнес: «Тонкое орудие, не правда ли?»

Шеф, в свою очередь, рассказал: «Прошедшую ночь спросил я солдата, который стоит на часах у наших дверей, хорошо ли ему и как он ест; при этом я узнал, что он голодает уже в продолжение 2-х суток. Тогда я вернулся домой, пошел в кухню, отрезал большой ломоть хлеба и подал часовому; это ему, очевидно, очень понравилось».

Когда потом речь с префектуры Гацфельда перешла на других префектов и комиссаров *in spe* и когда стали выражать сомнения в способностях тех или других кандидатов на эти должности, то министр заметил: «Наши французские чиновники могут всегда сделать две или три глупости, лишь бы в общем действовали энергично».

Говорили о телеграфных линиях, которые так быстро проводятся позади нас; при этом было сообщено следующее. Телеграфисты, в участках которых были повалены столбы и перерезана проволока, потребовали, чтобы по ночам крестьяне ставили, где нужно, караул. Но те сначала воспротивились такому требованию и даже за деньги не хотели ему подчиняться. Тогда им пообещали, что каждый столб будет называться именем того, кто его будет караулить, и это, как нельзя более, подействовало на тщеславие французов. Молодцы в своих остроконечных шапках весьма добросовестно стали исполнять свои новые обязанности, и с тех пор повреждений на телеграфных линиях не было.

Пятница, 26-го августа. Сегодня мы выезжаем, кажется, в Saint-Ménehould, где стоят наши войска, которые взяли в плен 800 мобилгардов, о чем я телеграфировал сегодня утром в Берлин. Тальони, угощавший нас сегодня великолепной икрой, которую он достал, я думаю, у толстого Борка, подтвердил, что действительно цель нашей поездки – Saint-Ménehould. Сегодня утром я написал статью о вольных стрелках, в которой я обстоятельно изложил ложные представления их о том, что допускается войною. Так как шеф ушел, по предположению одних – к королю, а по мнению других – прогуляться по городу², то и я в сопровождении Абекена отправился к старинной красивой церкви Св. Петра. Стены и колонны ее гораздо ниже, чем бывают обыкновенно в готических церквях, но в общем она очень красива. Образа внутри ее не имеют никакого значения в художественном отношении. Около одной стены стоит мраморный скелет, поставленный какой-то герцогиней, в такой степени страстно любившей своего мужа, что, когда он умер, она вынула его сердце, которое и доселе хранится в руке остова. Разрисованные стекла окон распространяют в церкви полумрак. Благодаря этому последнему обстоятельству Абекен был очень возбужден. Он декламировал места из второй части гетевского Фауста. Весьма вероятно, что во время пребывания своего в Риме, где он состоял при посольстве, он получил сильную склонность к католицизму, которая впоследствии должна была еще более увеличиться, потому что берлинские аристократы, в гостиные которых он имел доступ, в восторге от всего римского.

Мы спустились по крутым лестницам и, пройдя несколько переулков, очутились на улице, носящей имя Удино и расположенной как раз против его фамильного дома, что мы узнали из надписи. Это маленький, бедный и дряхлый дом только с тремя окнами; о нем ходит какое-то предание. Абекен купил в лавке две фотографии церкви «в воспоминание религиозного настроения», которое он там испытал, и предложил одну мне. Возвратясь в наши квартиры, мы узнали, что Эйгенброд сильно заболел кровавым поносом и будет тут оставлен.

Мы действительно выехали 26-го, но не в Saint-Ménehould, где было еще опасно, так как везде бродили шайки вольных стрелков, а в Клермон-ан-Аргонн, куда и приехали около 7 часов вечера. По дороге, которая проходила мимо больших деревень с красивыми старинными церквями, для безопасности через каждые 200 шагов были расставлены полевые жандармы. Дома все каменные, нештукатуренные примыкают плотно один к другому. Все крестьяне хромают здесь в неуклюжих деревянных башмаках; лица мужчин и женщин, стоявших группами у дверей, насколько я второпях мог заметить, были все без исключения отвратительны. Несмотря на это, принимались меры, чтобы уберечь лучших молодых девушек от немецких хищных птиц!

² Нижеприведенная выписка относится к нашей остановке в Барледюке. Charles Loizet рассказывает в парижском журнале «Revue politique et littéraire» (февраль и март 1874 г.) следующее: «В одном из городов западной Франции, который имел жалкую честь приютить на несколько дней высокопоставленных героев нашего шествия и где второпях решен был форсированный марш на Седан, прогуливался пресловутый Бисмарк без всякого конвоя по самым отдаленным улицам. При этом он весьма беспечно относился к тому, что изумленный народ указывал на него пальцами и посылал ему проклятия. Какой-то человек, огорченный своими домашними неудачами, обращался к разным лицам с секретною просьбою дать ему на время оружие для одного предприятия, которое наделает много шума. Хотя ему было и отказано, все-таки опасались, чтобы он не достал, чего хотел. Но жители этого патриотического города были обезоружены. На следующий день этот человек повесился, и его намерение было похоронено вместе с ним. А канцлер в полной форме прогуливался один по пастбищу за чертою города». Грусть, с которою заканчивает свою статью Loizet, имеет в себе нечто трагическое.

Часто проезжали мы такие большие леса, которые, ввиду того что Францию описывают обыкновенно как страну безлесную, я не ожидал встретить. Это все были лиственные громады с частыми кустарниками и густою массою ползучих растений.

Сначала мы встретили обоз и баварский полк. Солдаты прокричали впереди нас королю оглушительное «ура»; канцлеру тоже досталась доля этой чести. Затем нагнали мы один за другим 31-й (тюренгенский), 96-й и 66-й полки; потом – гусаров, уланов и, наконец, саксонских пластунов. На опушке леса, недалеко от деревни, которая, если я не ошибаюсь, носит название Трианкур, нам очистили дорогу две телеги – одна с пленными вольными стрелками, другая – с их ранцами и оружием. Большая часть из них поникла головами, а один даже плакал. Шеф остановился и стал разговаривать с ними, но, кажется, ничего утешительного им не сказал. Позже рассказывал нам офицер, подъезжавший к карете советников и добывший у них коньяку, что эти молодцы или их товарищи день назад в этой же местности изменнически застрелили уланского ротмистра или майора фон Фрица или Фризена. В плену они не ведут себя как солдаты и разбегаются при первом удобном случае. Кавалерия с помощью егерей устраивает тогда в виноградниках, где они прячутся, нечто вроде облавы, и там часть их опять попадает в плен, часть же подвергается расстрелянию или прикалывается штыками. Вследствие появления этих бандитов война стала принимать ужасное направление. Солдат видит в них людей, берущихся за дело, которое не составляет их ремесла и которое их не касается, он смотрит на них как на бродяг, и тем не менее ему в голову не приходит остерегаться их.

В Клермон приехали мы совсем измокшие, так как дорогою два раза шел проливной дождь с градом. За исключением Кейделля и Гацфельда, мы поместились в городской школе, которая находилась на главной улице. Квартира короля была против нашей. Вечером представится случай осмотреть немного город. Жителей в нем не более 2000 человек, и расположен он очень живописно: по скату невысокого и покрытого лесом Аррагонского хребта, на одной из конусообразных вершин которого стоит капелла. Большая улица была заставлена телегами и экипажами, мостовая вся была покрыта густой желтой грязью. Там и тут видны были саксонские егеря. На закате солнца Абекен и я поднялись по каменным ступеням к церкви, построенной на горе, на половину ее высоты; на церковь падала теперь тень от окружавших ее деревьев. Она была открыта; мы вошли в нее; в полумраке едва можно было различить кафедру и престол. От неугасимой лампы падал красноватый свет на образа, а разрисованные окна пронизывались последними лучами заходящего солнца. Мы были одни. Кругом нас все было тихо как в могиле. Чуть слышались далекий глухой стук колес, говор, шаги проходящих войск и крики «ура!» перед домом короля. Мы возвратились домой, и министр, которого мы застали, велел нам следовать за ним в гостиницу для приезжающих, где мы должны были обедать, потому что кухня наша отстала. Мы вошли в заднюю комнату, наполненную табачным дымом, и застали еще обед и места за столом шефа, за которым сидел какой-то офицер с длинной темной бородой и один из санитаров. Это был князь Плесс. Он рассказывал, что взятые при Понт-а-Муссоне в плен французские офицеры очень нагло и непристойно вели себя, и всю ночь кутили, и азартно играли. Один генерал непременно требовал отдельный и приличный для себя экипаж и делал ужасающие жесты, когда ему было отказано. Потом разговаривали о начальниках вольных стрелков и непозволительном способе ведения ими войны, и министр подтвердил, о чем мне передал уже Абекен, что он тем, которых мы сегодня после обеда встретили на дороге, сделал строгое внушение, закончив свою речь так: «*Vous serez tous pendus, vous n'êtes pas soldats, vous etez des assassins*». (Вы все будете повешены, вы не солдаты, вы убийцы.) Один из них начал громко хныкать. Что канцлер, в сущности, далеко не так жесток, это мы уже видели и потом еще неоднократно увидим.

В нашем доме шеф занял комнату в первом этаже. Абекену досталась задняя комната, а нам была отведена спальня двух или трех учеников, которых школьный учитель, по-видимому, держал у себя. Эта спальня была довольно велика. Здесь стояли две кровати с матрацами,

без одеял и два стула. Ночь была холодна. Мне нечем было укрыться. У меня было только каучуковое пальто. Но холод как бы ослабевал при мысли о солдатах, которые стояли лагерем в поле, в грязи! Каково-то было им!

Утром было много хлопот с приобретением необходимых принадлежностей для нашей спальни. Она стала совсем неузнаваема. Точно так же преобразились канцелярия, столовая и чайная комната. Тейсс устроил нам стол, поставив с одной стороны козлы, а с другой – бочку и на это положив снятую с петель дверь. Таким образом, воздвигнут был очень удобный стол, за которым союзный канцлер завтракал и обедал с нами. В промежутках же между завтраком и обедом, обедом и чаем советники и секретари тщательно составляли на нем бумаги, депеши, инструкции, телеграммы и газетные статьи – все по инициативе канцлера. Недостаток стульев был пополнен скамейками и разными сундуками... Роль подсвечников играли пустые бутылки из-под выпитого канцлером вина; вставленные в них свечи горели так же светло, как в серебряных канделябрах. (Опыт научил, что шампанские бутылки более пригодны для этой цели.) Не так легко могли мы обойтись без воды для мытья, тем не менее обходились. И не только для мытья – даже для питья трудно было достать воды, потому что в продолжение двух дней войска вычерпали весь колодец маленького Клермона. Только один из нас, который вообще был притязательнее, чем имел на то право, и всегда любивший брюзжать, ворчал и теперь. Остальные и между ними много путешествовавший Абекен с юмором говорили, что это-то и составляет соль нашей экспедиции.

В нижнем этаже помещалась канцелярия военного министра и главного штаба в двух классных комнатах; фурьеры и солдаты писали на скамьях и кафедрах. На стенах виднелись учебные пособия, географические карты и разные изречения; на одной черной доске была написана арифметическая задача, на другой красовалось очень понятное, относившееся к тяжкому времени увещание: «Faites vous une étude de la patience, et sachez ceder par raison».

Когда мы сидели за кофе, к нам вошел шеф и сердито спросил, почему до сих пор не вывешена прокламация о том, что всякое нарушение военного устава будет наказываться смертью. Я отправился навести справку к Стиберу, который отыскал себе хорошую квартиру в нижней части города; он отвечал мне, что Абекен передал прокламацию в генеральный штаб и что он в качестве директора полевой полиции может вывешивать только прокламации, изданные самим королем.

Я это доложил канцлеру, причем тотчас же получил от него несколько приказаний. Он устроился в своем помещении не лучше нашего. Всю ночь он спал на полу на простом матраце, револьвер клал около себя и писал в углу около двери, на таком маленьком столике, на котором едва можно было поставить локти. Комната его требовала многого, так как не было ни диванов, ни кресел и т. п. Тот, который в продолжение многих лет «делал» всемирную историю, в голове которого заключался источник ее направления и от которого вполне зависело повернуть в ту или другую сторону течение событий, едва имел куда приклонить голову, между тем как глупые придворные отдыхали от бездействия на мягких постелях и даже мсье Стибер сумел устроиться лучше нашего господина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.